

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Лингвистический анализ немецких фразеологизмов с музыкальным
компонентом**

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Иностранные языки в сфере профессиональной
коммуникации: немецкий язык»

очной формы обучения
Крюгер Мария Викторовна

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Бояркина А.В.

Рецензент:
к.ф.н., доц. Антонова А.М.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Паремиологические сборники.....	8
1.1. Сборники XVI века	9
1.2. Сборники XVII века	14
1.3. Сборники XVIII века	17
1.4. Сборники XIX века	21
<i>Выводы к главе I</i>	32
Глава 2. Анализ паремий	34
2.1. Лингвистический анализ.....	36
2.1.1. Структура пословиц	36
2.1.2. Лексико-семантические черты пословиц	44
2.1.3. Поговорки	47
2.1.4. Структура поговорок.....	48
2.1.5. Содержание поговорок.....	51
2.2. Возможности перевода паремий	54
2.2.1. Осложненность предложений.....	56
2.2.2. Трансформации	57
2.2.3. Игра слов.....	62
2.2.4. Интертекстуализмы	67
<i>Выводы к главе II</i>	73
Заключение	75
Приложение	78
Список литературы	82

Введение

В каждом языке мира фразеологизмы (греч. *phrasis* – выражение + *logos* – учение) представляют собой уникальные сочетания слов, которые придают речи яркость и выразительность. В. М. Мокиенко характеризует фразеологию как «сокровищницу образных средств» языка [17:4], а сами фразеологизмы называет «такими сочетаниями слов, которое обладает относительной устойчивостью, экспрессивностью целостным значением и воспроизводится в готовом виде». Синонимами данного термина являются *образное выражение*, *идиома*, а также *пословица*. И. Б. Голуб пишет, что для фразеологизмов характерными являются следующие особенности: сложность и постоянство состава (несмотря на то, что некоторые из них имеют варианты), семантическая неделимость (как правило, имеют значение, которое можно выразить одним словом), воспроизводимость, непроницаемость структуры (невозможность каких-либо добавлений и корректур, свойственная для большинства фразеологизмов), устойчивость грамматической формы и закреплённый порядок слов (кроме фразеологизмов, состоящих из глагола и слов, которые зависят от него) [24:110]. Наряду с идиомами и крылатыми выражениями, одной из составляющих общего явления – фразеологизма – являются паремии (от греч. *παροιμία* — поговорка, пословица, притча), к которым относятся пословицы, поговорки, речения и другие изречения [4]. О семантике слова *паремия* Л. Б. Савенкова пишет: «Первоначально, будучи заимствованием из греческого языка, оно соответствовало русским словам притча, пословица, поговорка в их древнерусских значениях. <...> Однако в церковном обиходе семантика слова сузилась: оно стало означать особый тип изречений, выбираемых из священного писания для чтения во время богослужения. Недаром в словаре В. И. Даля паремия определяется, в частности, как “нравоучительное слово”, т. е. текст назидательного характера» [26:36].

В данном исследовании мы останавливаемся только на паремиях, так как результате отбора материала было обнаружено, что подавляющее большинство немецких изречений с музыкальным компонентом представляют собой пословицы и поговорки, то есть, относятся именно к паремиям, что и послужило причиной ограничения материала.

В паремиях и устойчивых выражениях языков мира нередко встречается упоминание музыкальных инструментов. Это отражается в паремиологических сборниках, выходявших в период с XVI по XIX век, которые выступают в качестве **объекта** данного исследования.

Предметом исследования являются структура паремий, особенности лексики и тематических групп пословиц, поговорок, лингвопереводческие особенности изречений.

Цель работы – лингвистический анализ паремий с музыкальным компонентом, включенных в немецкие паремиологические тезаурусы XVI-XIX веков: рассмотрение особенностей плана выражения и плана содержания данных изречений, деление паремий на типы, особенности лексики изречений, основные семантические группы, встречающиеся в них. Для достижения данной цели были рассмотрены основные характеристики и отличительные черты каждого из исследуемых в диссертации сборников, структура и особенности лексики отобранных паремий, а также были описаны наиболее интересные семантические группы, на которые подразделяются исследуемые фразеологизмы.

Новизна работы заключается в том, что в данном исследовании впервые подвергаются подробному анализу немецкие паремии с музыкальным компонентом. Особое внимание уделяется структуре, грамматике, семантике и стилевым особенностям немецких изречений, представленных в работе с переводом на русский язык. Тема настоящей диссертации исследована мало, было обнаружено лишь несколько научных статей на данную тему: статья Т. И. Скоробогатовой [30] под названием

«Знаки искусства в языке: музыкальный инструментарий во фразеологии французского языка», посвященная французской фразеологии. Автор статьи акцентирует внимание в первую очередь на музыкальных инструментах, наиболее частотных для фразеологических единиц французского языка. Еще одному важному аспекту настоящей диссертации, а именно стилистическому анализу немецких паремий, посвящена статья О. П. Симутовой и И. А. Шидловской «Игра слов в немецких пословицах и поговорках»[29], в которой рассматриваются стилистические средства и приемы в немецких изречениях, построенных на игре слов.

В работе применяются следующие **методы исследования**: метод фразеологического анализа (идентификации и описания), компонентного, структурного и семантического анализа, сопоставительный метод, а также стилистический анализ немецких паремий и статистический подсчет встречающихся в изречениях наиболее частотных частей речи, так или иначе связанных с музыкой.

Теоретическую основу исследования составляют работы А. Д. Райхштейна «Немецкие устойчивые фразы. Пособие по лексикологии немецкого языка» [23], Г. Л. Пермякова «Основы структурной паремиологии» и «От поговорки до сказки – заметки по общей теории клише» [22], касающиеся паремий и их классификации, а также англоязычное издание книги музыковеда и этнографа Курта Закса «История музыкальных инструментов» [59], которая послужила основой для исследования истоков развития музыкальных инструментов в Европе и причин высокой и низкой частотности паремиологических единиц с музыкальным компонентом. Кроме того, автор данного исследования опирался на труды В. М. Мокиенко, Н. Г. Мед, И. Агриколы, М. Неандера, А. Я. Гуревича, Д. В. Кожевниковой, Ф. Петерса, К. Зимрока, А. Шеллхорна, В. Лоренгеля, К. Вандера, Й. Айзеляйна, В. Керте, О. Дюрингсфельда,

В. Н. Телия, Х. Байера, Е. А. Демидкиной, Э. Альтенмюллера, Й. Зайлера, Н. М. Завьяловой и другие.

Представленный в работе анализ немецких сборников мелкого фольклора открывает возможность не только для более детального исследования отдельных аспектов данного материала, но и для сравнения исследуемых паремий с паремиями других народов, что составляет **теоретическую значимость** диссертации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в работе впервые представлены переводы на русский язык большинства исследуемых паремий из малоизученных немецких паремиологических сборников XVI – XIX вв. Это позволит русскоязычному читателю близко познакомиться с литературными памятниками и включить в научный обиход целый пласт материала, связанного с немецкоязычными паремиями, имеющими музыкальный компонент.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы с музыкальным компонентом, собранные из немецких паремиологических сборников. Для изречений более ранних сборников упоминание разнообразных музыкальных инструментов не характерно, в основном авторы включают в свои труды самые распространенные, упрощенные варианты тех или иных немецких изречений, где ключевыми мотивами являются песни, танцы и музыкальные инструменты, которые к тому времени были распространены на всей территории Западной Европы (*Es ist nicht Kinderspiel wenn ein alt Weib tanzet* ‘Когда старая баба пляшет, это не детская игра’; *Ein jeder singt sein Lied* ‘У каждого своя песня’). Со временем список упоминаемых инструментов пополнялся, а также усложнялась сама форма изречений. Анализируя более поздние сборники, можно увидеть большие изменения, связанные с развитием культуры. Кроме того, повышался интерес к родному немецкому языку и, как следствие, увеличивалась потребность в паремиологических сборниках. Сборники

становятся обширнее и, если ранее они включали в себя либо только народные изречения, либо сентенции римских, древнегреческих и немецких авторов, то на рубеже XVIII и XIX веков, мы наблюдаем соединение этих двух направлений. Таким образом, наибольший интерес представляют сборники, выходившие в период с XVII века и заканчивая XIX столетием, так как именно в них содержатся паремии с упоминанием разнообразных музыкальных инструментов, а также с другими музыкальными образами, связанными, например, с религиозной составляющей жизни человека (*Je höher eine Glocke hängt je heller sie klingt* ‘Чем выше колокол, тем чище он звонит’), образами животных (*Lob dich Kuckuck mit deinem gefang, man hört am geschrey wol/was du für ein Vogel bist* ‘Если тебя кукушка своим пением нахваливает, то сразу слышно, что ты за птица’) и соматизмами (*Die Lieder kommen alle aus Einer (derselben) Kehle* ‘Эти песни поет одно и то же горло’; *Er singt ein Lied auf seine eigene Hand* ‘Он поет по-своему’). Главной отличительной чертой более поздних сборников является то, что именно в них мы наблюдаем наибольшее разнообразие форм паремий, синтаксических конструкций, лексики, а также изречений, которые широко используются в современном немецком языке.

Диссертация состоит из введения, 2 глав, заключения, списка литературы и приложения.

Глава 1. Паремиологические сборники

Музыкальные инструменты являлись неотъемлемой частью паремий и устойчивых выражений во многих языках. Н.Г. Мед объясняет этот факт тем, что «музыка является важным культурным кодом любого народа, неразрывно связанным с историей страны, ее обычаями и традициями» [16: 277]. Другую причину указывает В. М. Лензон: «примечательная особенность музыкальных инструментов состоит в том, что они очень мало меняются со временем. < ... > Музыкальные инструменты развивались путём очень медленной инвариантной модификации, а многие из них вообще не изменяются столетиями» [15:75]

Прежде чем приступить к исследованию непосредственно немецких паремий с музыкальным компонентом, необходимо сделать обзор важнейших паремиологических сборников, которые выходили в период с XVI по XIX век.

Невозможно переоценить значение традиции в паремиологии, ведь именно благодаря традиции этот раздел филологии продолжает развиваться. Это отмечает один из величайших паремиологов нашего времени В.М. Мокиенко в своей статье «Современная паремиология: лингвистические аспекты»: «Жанр пословицы предполагает бережное сохранение культурных и языковых традиций, и это в полной мере относится к тем, кто до нас трудолюбиво и самоотреченно припасал жемчужины народной мудрости в своих паремиологических сусеках. Вот почему обращение к опыту предшественников и постоянное использование в наших исследованиях материала, собранного патриархами паремиологии, – одна из важнейших задач современной паремиологии» [18:6]. Именно по этой причине автору настоящей диссертации показалось совершенно естественным и необходимым посвятить первую главу, с одной стороны, обзору сборников, паремии из которых анализируются в данной работе, а с другой стороны,

наиболее важной информации, касающейся авторов-составителей данных сборников.

В качестве основы для одного из критериев анализа наиболее важных паремиологических трудов в настоящей главе будет использоваться предложенная Г.Л. Пермяковым классификация пословичных сборников, которая была описана в книге «Основы структурной паремиологии». Автор разделяет сборники по следующим признакам: *алфавитному* (паремии расположены в алфавитном порядке с опорой на первую букву первой лексемы в изречении – наиболее распространенный тип среди немецкоязычных сборников, изученных для данного исследования), *по опорным словам* (при которой автор-составитель распределяет изречения по ключевым словам), *монографическому* (группирование пословиц по месту их собирания и по собирателю), *генетическому* (материал распределен в соответствии с его происхождением, например по языковым семьям), *тематическому* (главным критерием отбора в данном случае является основная тема содержания изречений) [21: 11, 12].

1.1. Сборники XVI века

Свой отсчет появления сборников ведет с XVI века. В данном столетии наиболее выдающимся и авторитетным трудом, который отмечается во многих работах, посвященных паремиям немецкого языка, является сборник **Иоганна Агриколы**, написанный в 1534 году (издательство Виттенберг, 1582) под названием «Sybenhundert vnd Fünfftzig Teütscher Sprichwörter, verneüwert vnd gebessert» [38]. Сборник содержит 750 пословиц, расположенных в *алфавитном* порядке. Что характерно для изданий подобного типа, каждая паремия снабжена подробным комментарием (комментарии расположены в конце книги и занимают большую ее часть). На данный момент скан книги доступен на сайте Google Books. Из данного

сборника оказались полезными 6 пословиц, которые отвечают тематике исследования. Все они оказались так или иначе связанными с танцами, за исключением паремии:

w363 *Wen lustet zutantze, dem mag man leicht pfeiffen*

‘кто радостно танцует, тому и на дудке легко подыграть’.

Паремии из данного периода представляют собой образцы народной речи.

Это можно увидеть на следующих примерах:

e727 *Es ist nicht Kinderspiel wenn ein alt Weib tanzet*

‘Когда старая баба пляшет, это не детская игра’.

w87 *Wenn dem Esel zuwol ist, so gehet er uffs eyß tantzen*

‘Когда ослу весело, он идет на лёд танцевать’

e251 *Es gehöret mer zum tantze, denn rote Schuh*

‘Одних красных башмачков для танцев недостаточно’

Вторым важным источником XVI века, который подробно исследуется в настоящей работе, является сборник германского гуманиста, педагога и руководителя монастырской школы в Ильфельде **Михаэля Неандера** под названием «*Veterum sapientum Germanorum sapientia*». Точный год написания неизвестен, однако можно предположить, учитывая объем работы, что, как и некоторые другие сборники, данное собрание паремий пополнялось автором-составителем на протяжении нескольких лет. В настоящей работе проанализировано вышедшее в 1864 году издание данного сборника под уже другим названием «*Deutsche Sprichwörter*» с критическим комментарием Фридриха Латендорфа [57]. Введение самого М. Неандера в сборнике отсутствует, дается лишь краткое описание книги на латинском языке непосредственно перед самим списком паремий, выстроенных *в алфавитном порядке*, которых в сборнике насчитывается более 600 [39]. В конце сборника приводится критический комментарий немецкого филолога Фридриха Латендорфа. В сборнике были обнаружены 7 паремий, отвечающих тематике настоящего исследования, например:

Die Liebe lernet tantzen

‘Любовь учит танцевать’

Vor essens wird kein Tantz.

‘Перед трапезой не танцуют’

Man kan ein gutes Liedlein nicht zu viel singen

‘Хорошей песенки много не бывает’

Wenn die Sackpfeiffe nicht voll ist, so kürrt sie nicht

‘Если волынка не заполнена воздухом, она не визжит’

Wer in dem Rohr sitzt, der schneydet jm Pfeiffen wo er will.

‘Кто в трубе сидит, тот, когда захочет, любому игру обрывает’

Важно в связи с этим отметить тот факт, что сам Михаэль Неандер был выдающимся педагогом. Он преподавал в школе в Нордхаузене и впоследствии занял позицию конректора данного учебного заведения. Помимо всего прочего, Михаэль Неандер внес огромный вклад в развитие паремиологии. Он занимался греческим языком и гебраистикой, издал сборник паремий и сентенции иврита, а также сборник греческих паремий под названием «Arophthegmata» в двух томах. Всё это указывает на то, что автор исследуемого в настоящей работе сборника немецких паремий прекрасно разбирался в данной тематике. Кроме того, Михаэлю Неандеру удалось привлечь к изучению паремий и своих учеников. Один из них – Фридрих Петерс, речь о котором пойдет позже в разделе, посвященном XVII-му столетию.

Именно в сборнике Михаэля Неандера впервые появляется несколько разновидностей музыкальных инструментов, а именно волынка и труба, как можно увидеть из приведенных выше примеров. Этот факт особенно примечателен, так как до этого момента в пословицах встречались только танцы.

Популярность танцев и высокая частотность их упоминания в паремиях XVI века и ранее как нельзя лучше иллюстрирует рассматриваемую в данной

главе эпоху. Восприятие смерти и отношение к ней являлись определяющими в сознании средневекового человека [7:49]. Эта особенность менталитета повлекла за собой необходимость населения избавляться от пугающих мыслей и поддерживать жизнерадостный настрой. Об этом пишет А.Я. Гуревич: «Противоположную сторону картины занимал мир абсолютного зла, дьявола и бесов. <...> Эти силы угрожали человеку как при жизни, так и после смерти, и им надлежало противостоять всеми средствами» [7: 48]. Танец того времени неразрывно связан с карнавальной культурой. Гуревич подчеркивает, что «в народном сознании веселье и страх представляли собой стороны все той же медали. Смех сплошь и рядом в ту эпоху служил необходимым коррелятом неизбывного ужаса перед смертью, которая открывала путь в мир иной, а именно — дорогу в ад для большинства грешников и в рай для одних только избранных» [7: 49]. Таким образом, возникает вопрос, почему в немецком языке XVI века отразилось так мало пословиц, поговорок и сентенций, связанных не только с танцами, но и непосредственно с музыкой?

Исследуя сборники XVI столетия и отмечая почти полное отсутствие упоминания музыкальных инструментов, можно было бы предположить, что XVI век не отличался разнообразием инструментов и музыкальных терминов, однако это не соответствует действительности. Исследуя истоки развития музыкальных инструментов в Европе до и после 1000 года, Курт Сакс в своей книге «История музыкальных инструментов» указывает, что история европейских музыкальных инструментов берет свое начало еще в XII веке [59: 260]. Т.И. Скоробогатова в своей статье «Знаки искусства в языке: музыкальный инструментарий во фразеологии французского языка» пишет следующее: В музыкальном наследии любого народа присутствует два вида искусства: песенное и инструментальное. Песни и музыкальные инструменты сопровождают человека на протяжении многих веков. Так, на территории современной Германии, в карстовой пещере Холе-Фельс, в

сентябре 2008 года были обнаружены фрагменты самой старой в мире флейты, изготовленной из кости грифа, возраст которой археологи оценивают в 35 тыс. лет». [30: 133]

Д.В. Кожевникова указывает, что «открытие серии костяных флейт и свистков в раннеориньякских комплексах Европы (Пиренеи, Швабская Юра), возможное существование и более сложных инструментов, указывают на существование устойчивых музыкальных традиций уже на рубеже 40 тыс. л до н.э.» [9: 4]. В.М. Лензон пишет, что «в 2004 году учёные Тюбингенского университета на юго-западе Германии нашли большую флейту из слоновой кости, а чуть ранее — флейты из костей лебедя. Аналогичные находки, свидетельствующие о достаточно устойчивом архетипе мышления человека в этой области, сделаны и в Латинской Америке. <...> Определён и возраст находок — 35—37 тысяч лет» [15:76].

Все это позволяет предположить, что к XVI столетию в Германии и других европейских странах должно быть достаточное количество инструментов, более или менее хорошо развитых, в том числе тех, которые пользуются популярностью среди немецкого населения. Здесь необходимо упомянуть о так называемой «классовости» музыкальных инструментов.

«Классовость» музыкальных инструментов – одна из главных причин почти полного отсутствия упоминания музыкальных инструментов и в принципе музыкальных терминов в паремиях эпохи, описываемой в настоящей главе. Как писалось ранее, паремии представляют собой в основном образцы народной речи. В большинстве своем они отражают язык именно простого народа, у которого не было доступа к большинству музыкальных инструментов, а также к литературным работам римских историков и к другим филологическим трудам, в которых и возникают первые упоминания тех или иных инструментов или терминов [7:45]. Изготовление музыкальных инструментов было сопряжено с определенными расходами, вследствие чего многие из них стоили дорого. Почти все

распространенные на европейском континенте музыкальные инструменты пришли туда из Азии, либо из Византии, Северной Африки или Северо-Востока, с берегов Балтийского моря [59: 260].

Старейшим средневековым музыкальным инструментом был человеческий голос. В результате настоящего исследования паремиологических сборников было обнаружено, что самым частотным глаголом, который используется почти в 2 раза чаще, чем все остальные лексемы, так или иначе связанные с музыкой, является глагол *singen* ‘петь’. В связи с этим не удивляет и тот факт, что самыми частотными существительными в паремиях, исследуемых в данной работе, являются существительные, связанные с использованием голоса. Это, в первую очередь, *Lied* ‘песня’, а также диминутивы *Liedlein* и *Liedchen* ‘песенка’ и производные от *singen* *Gesang* и *Sang* ‘пение, песнь’. Объясняется это не только тем, что пение было одним из излюбленных развлечений крестьян, но также и распространением христианства в период Темных веков и раннего Средневековья, что без сомнения привело к популярности гимнов и светских песней.

1.2. Сборники XVII века

Важнейшим источником немецких паремиологических единиц XVII века является сборник **Фридриха Петерса** “*Der Teutschen Weissheit*”, изданный в 1605 году [58]. Что примечательно, автор сборника, немецкий теолог и паремиолог Фридрих Петерс, был учеником Михаэля Неандера. Данный сборник содержит около 20,000 паремий, расположенных в алфавитном порядке и, что примечательно, основным их источником является устная речь, как заявлено на титульном листе самим автором-составителем: *Der Teutschen Weissheit. Das ist: Außzerlesen kurtze, sinnreiche, lehrhaffte vnd sittige Sprüche vnd Sprichwörter in schönen Reimen oder schlecht*

ohn Reim, von allerley Geistlichem vnd Weltlichem Wesen vnd Handel des gantzen Menschlichen Lebens, wie man sie im gemeinen Brauch hat, oder in gelehrter Leut Büchern findet. Кроме того, сборник содержит более старые паремии и отрывки из поэтических произведений. Книга состоит из трех тематических частей: в первой содержатся пословицы и поговорки, связанные с религией (а именно, Богом, верой и ересью), во второй собраны паремии на тему порока, добродетели и искушений. Заключительная третья часть – это избранные автором-составителем сентенции. Особенностью сборника, которая отличает его от всех остальных трудов подобного типа, является отдельная глава под названием ‘*Das Ander Teil*’, находящаяся между второй и третьей частью и почти никак не связанная с основной тематикой сборника. В этой небольшой части автор повествует о том, как следует заботиться о своем здоровье, в зависимости от календарного месяца [58: 1013]. Кроме того, автор включил в данную часть так называемый *Cisiojanus*¹ – календарь постоянных праздников римско-католической церкви, составленный в форме 12 стихотворений для каждого месяца. За этим следует необычный календарь под названием «*Ein ander Deutscher Calender, da ein jedes Wort einen Tag bedeutet*», каждый месяц в котором описан в стихотворной форме и, как объясняет название, количество слов соответствует количеству дней того или иного месяца. Заключительная третья часть – это избранные самим автором-составителем сентенции. Наиболее яркие примеры из данного сборника:

1040 Ein Gefang füller die Ohren nicht den Magen.

‘Песнь наполняет уши, а не желудок’

356 Ein jeder singt sein Lied

‘У каждого своя песня’

853 Wer einem bösen Hertzen Lieder singt - das ift wie einzuriffen Kleid im winter/ vnnd Efffig auff der Kreiden.

¹ В некоторых источниках встречается написание *Cisioianus* (здесь и далее: прим. авт. диссертации).

‘Если у поющего злое сердце, это как рваное платье зимой; как уксус, который попал на мел’

В данных паремиях главный элемент – пение и это неоднократно будет встречаться в последующих сборниках. Одной из главных особенностей данного периода является прежде всего то, что в паремиях этого времени впервые появляются лексемы *Vogel* ‘птица’ и *Kuckuck* ‘кукушка’:

383 *Ein füßer gefang hat manchen Vogel betrogen.*

‘Сладкое пение многих птиц обмануло’

595 *Lob dich Kuckuck mit deinem gefang, man hört am geschrey wol/was du für ein Vogel bist*

‘Если тебя кукушка своим пением нахваливает, то сразу слышно, что ты за птица’

Впервые именно в данных паремиях появляются лексемы, так или иначе связанные с религией. Это, прежде всего, *Glocke* ‘колокол’:

547 *Je höher eine Glocke hängt je heller sie klingt.*

‘Чем выше колокол, тем чище он звонит’

891 *Wer mäßig auff dem Speymarckt stehet/vnd wil nicht arbeiten, der füllet endlich ein Graben auß oder gibt einen Klöppel (язык колокола) / in ein große lichte Glocke.*

‘Кто ничего не делает, того убьют как солдата при штурме, или повесят как преступника’

543 *Je arger Hur / je neher dem Chor.*

‘Чем ближе хор, тем злее блудница’

Именно в семнадцатом столетии в паремиях впервые начинают появляться новые музыкальные инструменты. Как уже указывалось выше, хотя данные музыкальные инструменты с давнего времени и были

представлены в Германии, но частью паремий они стали лишь в данную эпоху:

219 Seiner Sackpfeiffenhall ist der aller beste Schall.

‘Звук его собственной волынки для него – лучший звук’

850 Werde Wahrheit geigt, dem schlegt man die Geige an den Kopf

‘Кто говорит правду, тому скрипкой по голове бьют’

Танцы – уже не такое частое явление в пословицах и поговорках сборников семнадцатого века. Фридрих Петерс включает в свой труд лишь два примера, так или иначе связанных с танцами. Это примечательно, так как указывает на постепенное развитие различных видов искусства и изменения, которые люди претерпевают также и в повседневной жизни.

655 Nüchtern wird kein Tanz

‘В трезвом виде не танцуют’

1055 On Wein ist kein Tanz

‘Что за танцы без вина’

Данные примеры показывают, что танцы в то время были связаны прежде всего с алкоголем, и никоим образом не относились к «высокому» искусству, в то время как музыкальные инструменты, церковные песнопения и олицетворения (в основном речь здесь идет о первых появлениях образа птицы в паремиях) являются неоспоримыми индикаторами продолжающегося культурного развития общества.

1.3. Сборники XVIII века

XVIII век отличает появление большого количества авторитетных паремиологических сборников. Несмотря на явную популярность такого рода литературы, никаких существенных изменений с точки зрения, например, большего разнообразия паремий с музыкальным компонентом, в данную эпоху не наблюдается. Основной темой по-прежнему является пение, мало

примеров пословиц, в которых встречались бы непосредственно музыкальные инструменты. Несмотря на это, сами по себе сборники представляют особенный интерес для данного исследования и указывают на развитие литературы данной тематики. Первым необходимо назвать сборник 1713 года под названием *DCCXXV Selectiora proverbia LatinoßGermanica, non modo ex optimis quibusque*, составленный **Отто Сигизмундом** [62]. Это небольшая двуязычная книга, которая представляет собой сборник латинских паремий и сентенций с их переводом или точным соответствием на немецком языке. К сожалению, исследование данного сборника не привело к ожидаемым результатам – была найдена лишь небольшая латинская сентенция, аналог которой имеется так же и в немецком языке, а именно *Cantator Cygnis funeris ipse fui – Sein Grab Lied* ‘Его лебединая песня’. Однако тот факт, что такого рода паремиологическая единица в принципе встречается в данном издании, говорит о том, что в сборники начинают включать не только элементы народной речи, но и цитаты из литературных произведений. Впервые данное крылатое выражение встречается в одной из басен легендарного баснописца Древней Греции Эзопа (VI век до н. э.): «Говорят, что лебеди поют перед смертью». Поэт имел в виду легенду, согласно которой лебеди, эти не-певчие, «молчащие» птицы, за несколько мгновений до смерти обретают голос, и это предсмертное пение лебедей удивительно красиво [28].

Изданный в 1790 году труд *Deutsche Sprichwörter mit Erläuterungen* содержит 140 страниц, включая обширное введение от лица автора составителя, **Иоганна Кристиана Зибенкиса**, который был юристом и профессором в баварском университете Ландсхут [60]. Он изучал юриспруденцию, историю, а также историю литературы, что примечательно, так как основное внимание Зибенкис уделяет разъяснениям паремий, включенных в сборник [40]. Этот сборник не представляет для данного

исследования большого интереса, так как в нем была обнаружена лишь одна паремия, а именно:

76. Wer gerne tanzt, dem ist bald gepfiffen

‘Кто с удовольствием танцует, тому и на дудочке сразу подыграют’

Это объясняет в предисловии сам Иоганн Кристиан Зибенкис. Он указывает, что при создании своего сборника опирался в первую очередь на таких великих исследователей XVI века, как, например, Генрих Бебель и Иоганн Агрикола, а также переработал то, что уже существует [60: 7].

Как показывает проведенный при подготовке настоящего исследования анализ сборников подобного типа, авторы-составители очень редко уделяли большое внимание каждому выражению, которое помещали в свой сборник. Как правило, они ограничивались кратким предисловием, в лучшем случае – объясняют читателю значения наиболее интересных по их мнению паремий. Главной особенностью сборника И.К. Зибенкиса является само предисловие. Оно содержит не только общий комментарий автора-составителя относительно собранного материала и причины, по которым он взялся за столь серьезную и кропотливую работу, но, что особенно важно, лингвистический и исторический комментарий. И.К. Зибенкис обращает внимание читателя на различия между такими понятиями, как пословица, сентенция (Sittenspruch) и изречение (Denkspruch) [60: 8]. Автор-составитель указывает на важные историко-лингвистические аспекты паремиологии, а также предлагает свой принцип разделения пословиц на тематические группы. Согласно этому принципу, существуют юридические, экономические и исторические пословицы [60: 11]. Ничего подобного в более ранних сборниках не встречалось. Сборник Иоганна Кристиана Зибенкиса отличается также и регистр, расположенный в самом конце книги: все паремии сборника в алфавитном порядке, с точным указанием страниц, что облегчает процесс поиска той или иной паремии.

Чрезвычайно важным для истории паремиологии является 1797 год, так как именно в это время вышел сборник **Андреаса Шеллхорна** под названием *Deutsche sprichwörter, sprichwörtliche redensarten und denksprüche; gesammelt, in ordnung gebracht, und mit den nöthigsten erklärungen begleitet*² [61]. Как можно заметить из названия, идея составления сборника с разъяснительными комментариями автора уже не является новой. В XVIII веке это становится своего рода тенденцией, которую в данном случае Андреас Шеллхорн подхватывает у Иоганна Кристиана Зибенкиса, в сборнике которого также основное внимание уделяется подробным комментариям к каждой паремии. Андреас Шеллхорн заимствует у И.К. Зибенкиса не только это, но также и само разделение паремий на типы, что является решающим моментом для истории паремиологии в целом. Если сравнивать обе эти работы, сама по себе работа А. Шеллхорна более обширна - сборник включает в себя около 200 страниц. Совершенно очевидно, что введение создавалось под влиянием длинного предисловия И.К.Зибенкиса, но хуже систематизировано и гораздо менее научно, хотя, как и в случае со сборником Зибенкиса, содержит в конце указание на педагогическую ценность данной книги. Автор-составитель также весьма подробно описывает содержание каждой из двух частей сборника. Значительное место в сборнике занимает приложение – латино-немецкий паремиологический словарь под названием *Proverbiae et sententiae insignes, versibus latinis expressae, in gratiam litteratorum usumque inventutis litterariae editae studio et cura Andreae Schellhorn*, в котором представлены расположенные в алфавитном порядке цитаты римских авторов с их соответствиями в немецком языке.

Что касается непосредственно содержания, то, учитывая, что данный сборник по количеству страниц превышает сборник И.К.Зибенкиса, по интересующей нас тематике в нем было найдено значительно больше.

² «Немецкие пословицы, крылатые выражения и изречения: собранные, выстроенные в правильном порядке с самыми необходимыми разъяснениями».

Каждая поговорка сборника относится к определенной тематической группе, что видно из наиболее ярких примеров:

147 Ueber die Uebung. i. Sing; so lernst du singen, Uebung verschafft Fertigkeit

‘Об упражнении. Пой, так ты научишься петь. Упражнение приносит умение’.

103 Ueber die Verschwendung. Vögel, die bald anfangen, zu singen, ... haben bald ausgesungen, (Wer mit seinem Vermögen frühzeitig verschwenderisch umgeht, kommt zeitig darum)

‘О расточительстве. Те птицы, которые рано начали петь, вскоре прекратят свое пение. Кто расточительно обходится со своим имуществом, скоро обеднеет’

102 Man kennt den Hafen am Klang', Den Vogel am G'sang', Den Esel an den Ohren, Am Reden den Thoren, -. Am G'sichte den Mohren

‘Порт морской звон выдает, птицу – пение, осла – уши, Тора³ – речь, мавра – лик’

1.4. Сборники XIX века

С течением времени в данном литературном жанре происходят серьезные изменения, которые прежде всего связаны с повышением культурного развития общества. Кроме того, усиливается интерес к родному языку и, как следствие, увеличивается потребность в литературе подобного типа. Сборники становятся гораздо обширнее, и если ранее они включали в себя либо только народные изречения, либо более «престижные» сентенции римских, древнегреческих и немецких авторов, то со временем, а именно на рубеже XVIII и XIX веков, мы наблюдаем соединение данных двух направлений. Огромный вклад в немецкую паремиологию внес в XIX веке

³ Имеется в виду гром.

немецкий писатель и филолог **Карл Йозеф Зимрок**. Изданный в 1864 году сборник *Die deutschen Sprichwörter gesammelt* Зимрока является одним из наиболее полезных для данного исследования источников [63]. Сборник содержит 12396 паремий (каждая из которых пронумерована, что позволяет с легкостью установить точное количество) и совсем небольшое предисловие, что особенно удивительно, так как сам автор-составитель Карл Зимрок был в первую очередь филологом и можно было бы ожидать более подробного вступления к его сборнику. До этого к написанию таких сборников привлекались люди, хотя и не весьма далекие от языкознания, но, в основном, являющиеся педагогами, философами или теологами.

Главным недостатком, по сравнению с другими подобными сборниками, является прежде всего полное отсутствие каких-либо пояснений от лица автора-составителя. Непосредственно для настоящего исследования важно то, что Карл Зимрок родился в музыкальной семье, что, очевидно, повлияло на избранные им для своего труда паремии – в сборнике содержится 43 паремии, так или иначе связанных с музыкой (если сравнивать сборники различных столетий, описанные выше, то это число является внушительным). Что характерно, подавляющее большинство пословиц из данного сборника концентрируются на лексеме «песня»:

6510 *Ein gut Lied mag man dreimal singen.*

‘Хорошую песню и три раза спеть можно’

6514 *Wenn man das Liedchen zu hoch anfängt. fo erliegt man im Singen.*

‘Если начать песню слишком высоко, всё пение не заладится’

6519 *Wer ftille liegt. der ift todt.*

‘Кто тихо лежит, тот мертв’

Излюбленными музыкальными инструментами, упоминаемыми в паремиях, являются скрипка и дудочка, однако появляются также и новые инструменты, такие как арфа и труба:

146 *Alte Geigen bezieht man auch mit neuen Saiten*

‘И на старых скрипках струны поменять можно’

7800 *Wie die Pfeife. fo der Tanz*

‘Как на дудочке играют, такой и танец’

4315 *Wer die Harfe nicht fpielen kann, der werd ein Pfeifer*

‘Кто на арфе играть не может, дудочником станет’

Подробнее о каждой из этих пословиц будет рассказано в последующих главах. В этом сборнике также фигурирует лексема «Glocke», что указывает на важность церкви в жизни человека. Как указывалось выше в отношении высокой частотности существительного *Lied*, а также его производных, причиной появления в паремиях лексемы *Glocke* послужило распространение христианства Темных веков и раннего Средневековья. Кроме того, важно и то, что именно в данном сборнике появляются не просто названия музыкальных инструментов или связанные с музыкой глаголы, но также музыкальный термин «тон», который в более ранних сборниках ни разу не встречался (этот термин, а также другие музыкальные термины будут постоянно появляться в паремиях начиная с XVIII века):

10401 *Wer fingt im alten Ton Bekommt nur alten Lohn*

‘Кто по-старому поет, много не соберет’

В 1860 году вышел сборник **В. Лоренгеля** с поэтичным названием *Altes Gold (deutsche Sprichwörter und Redensarten, nebst einem Anhang)*⁴ [56]. Такое название еще раз указывает на усилившийся интерес исследователей в немецкому языку, и, в особенности, к паремиологии и фразеологии. К сожалению, кроме того, что В. Лоренгель был педагогом (что указано им самим на титульной странице сборника), никакой дополнительной информации о его жизни и образовании найдено не было. Сборник содержит предисловие автора-составителя и более 700 паремий. Из них 11 – с музыкальной тематикой. Неизменным элементом многих пословиц по-

⁴ «Старое золото (немецкие пословицы и поговорки, с приложением)»

прежнему остается песня. Несмотря на это, появляются новые инструменты, такие как флейта, лира и рожок, что подтверждает описанную выше корреляцию культурной и интеллектуальной жизни человека и изречений, которые с течением времени становятся все более разнообразными и представляют собой отражение различных культурных тенденций:

331. *Immer bei derselben Leier bleiben.*

‘Всегда сидеть у одной и той же лиры’

43-74 *Das ist 'ne alte Flöte.*

‘Старая флейта’

746 *Wenn April bläht in sein Horn, steht es gut mit Heu und Korn.*

‘Когда апреля слышен рог, и кукуруза есть, и стог’

Интересным является также внезапное появление в изречениях лексемы *Kehle* ‘горло, глотка’. Части тела будут впоследствии часто фигурировать в паремиологических сборниках, что позволяет выделить в данном исследовании отдельную семантическую группу «соматизмы»:

68. *Aus voller Kehle singt der Mann, der keinen Kreuzer wechseln kann*

‘Во всё горло поет тот, кто не может крейцер⁵ обменять’

Полезным для настоящего исследования был также и сборник 1838 года, написанный немецким ученым, учителем и библиотекарем **Йозефом Айзелейном** под названием *Die Sprichwörter und Sinnreden des deutschen Volkes in alter und neuer Zeit. Zum erstenmal aus den Quellen geschöpft, erleutert und mit Einleitung versehen*⁶ [49]. С современной точки зрения из всех исследованных для данной работы сборников этот труд является наиболее научным. Наибольшее внимание автор-составитель уделяет источникам паремий: подробное предисловие сопровождается множеством примеров из латинского и древнегреческого языков, вынесенных отдельно в конце

⁵ Старинная монета.

⁶ «Пословицы и изречения немецкого народа, старые и новые. Впервые взятые из разнообразных источников, с сопроводительными комментариями и введением».

странице в виде сносок, а каждая паремия сборника указывается с более или менее подробным комментарием. Как правило, это имя автора источника, откуда взята та или иная пословица и сентенция (таких в сборнике большинство). Изредка дается соответствие на других языках. Точное количество изречений не указывается, но сам сборник содержит более 700 страниц, что опять же подтверждает повышение интереса к паремиологии, о котором мы говорили ранее. В связи с этим следовало ожидать, что именно такого рода сборник пополнит список наиболее интересных изречений, а также ключевых слов, а именно – различных музыкальных инструментов или даже образов:

413 Wer mit einer Hure von Schamhaftigkeit, und mit einem Geizigen von Freigebigkeit redet, der schlägt die Laute mit dem Daumen

‘Кто говорит со шлюхой о стыдливости, а с жадным – о щедрости, тот по лютне большим пальцем бьет’

413 Er hört Läuten, weiß aber nicht wo. ‘Слышит лютни, но не знает, где они’

413 Er hat einen Lautenspieler im Busen.

‘Быть лютнистом в душе (быть настоящим музыкантом в душе)’

320 in Wald zum wilden Heer und Horn blasen.

‘В лесу дуть в рожок и звать приведение охотника’

321 In ein Horn blasen.

‘Дуть в один рожок’

В конце автор-составитель приводит постраничный указатель с самыми сложными пословицами и поговорками, которым необходим комментарий, что несомненно является преимуществом данного сборника, так как значительно облегчает процесс поиска той или иной пословицы для читателя.

В конце XIX века, а именно в 1873 году, выходит сборник педагога, германиста и общественного деятеля **Карла Фридриха Вильгельма**

Вандера под названием *Deutsches Sprichwörter-Lexikon: ein Hausschatz für das deutsche Volk*⁷ [67]. По сравнению со всеми другими работами подобного типа, именно этот паремиологический сборник можно признать наиболее обширным и тщательно проработанным. Вандер является автором многих учебников и методических пособий, а также научных работ по филологии. Важным является прежде всего тот факт, что исследуемый в данной работе сборник является одной из величайших и наиболее авторитетных работ за всю историю немецкой литературы и пользуется популярностью по сей день. Сборник состоит из пяти томов, разделенных по алфавиту (Band 1 – Buchstabe a-Go; Band 2 – Buchstabe Go-Le; Band 3 – Buchstabe Le-Sa; Band 4 – Buchstabe Sa-We; Band 5 – Buchstabe We-Zw), а также предворяется предисловием автора-составителя и так называемым *Quellenverzeichnis*, т.е. ‘списком источников’, на которые опирался автор в процессе написания сборника. Каждый из томов вышел в свет в разное время и включает в себя чуть более 900 страниц, на каждой из которых указываются ключевые слова со всеми изречениями, в которых данное ключевое слово фигурирует, а также соответствия на других языках, например:

24. *Es ist ein schlechter Leiermann, der nur ein Liedlein kann.*

‘Плох тот лютнист, кто только лишь одну песенку и знает’

24. *In des Leiermanns Hause tanzt jedermann*

‘В доме у лютниста танцуют все’

«Песня» по прежнему является наиболее частотным элементом в паремиях, даже в таком большом сборнике, как *Deutsches Sprichwörter-Lexikon*. Несмотря на это, как было отмечено ранее, этот привычный образ в более поздних сборниках сопровождается новыми музыкальными терминами, например, *Noten* ‘ноты’ и *Vers* ‘куплет’, а также появлением новых инструментов, например *Trompete* ‘труба’ и *Flöte* ‘флейта’:

⁷ «Словарь немецких пословиц: родные сокровища немецкого народа»

11 Ein Lied aus dem Herzen lässt sich schwer in Noten setzen

‘Песню, идущую из сердца, сложно переложить на ноты’

16 Es ist kein Lied so schön, ein Vers gefällt am besten.

‘Песня не так хороша, если стих нравится больше’

1270 – 111 Einen Pfennig, der aus der Posaune fällt, achtet der Himmel nicht

‘На упавший из тромбона пфенниг небеса внимания не обращают’

392 Seine Nase zu einer Trompete machen. Schnaufen.

‘Сделать нос трубой. Храпеть’

755 - 91 Wer in der Mühle Flöte bläst, verschwendet seinen Athem.

‘Кто на мельнице на флейте играет, попусту дыхание тратит’

Наиболее полезным для настоящего исследования оказался третий том. Это связано с тем, что именно в нем было обнаружено более 60 изречений с музыкальным компонентом, которые и было решено включить в список анализируемых пословиц, так как исследовать все пять томов сборника Вандера в рамках данной диссертации не представляется возможным и потребовало бы отдельной научной работы.

В 1861 вышел в свет сборник историка литературы [41] **Вильгельма Кёрте** под названием *Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen, nebst den sprichwörtlichen Redensarten der deutschen Zechbrüder und Aller Praktik Grossmutter, d. i. der Sprichwörter ewigem Wetterkalender*⁸ [ADB 1882: 725]; [53]. Данное произведение отличает скорее литературоведческий, нежели языковедческий подход по ряду причин. Во-первых, предисловие написано автором-составителем в стихотворной форме, что в такого рода сборниках не встречалось. Во-вторых, предисловие к работе фокусируется по большей части на таких аспектах, как история понятия «пословица», а также на основных исторических, религиозных, политических и литературных

⁸«Пословицы и пословичные изречения немецкого языка, вместе с пословицами немецких пьяниц и книги «Праматерь всех», это значит пословицы из книги «Вечный календарь погоды».

аспектах, которые, с точки зрения автора-составителя, сопровождали развитие паремиологии на протяжении многих лет. Не так много внимания Кёрте уделяет этимологии терминов, а также их правописанию и различным его вариантам. В предисловии к данному сборнику, так же, как и в других подобных трудах, выделяются различные типы паремий, а также их основные отличительные признаки. Особенностью сборника Вильгельма Кёрте, однако, является прежде всего то, что, помимо основных типов паремий (пословица, поговорка), он указывает также и другие термины, например, такие жанры, как народные песни, сентенции и даже саги, ссылаясь при этом на большое количество литературных работ.

71-1153. Was soll der Dohle die Harfe, dem Esel die Leier? (1526)

‘Что галке арфа, а ослу – лира?’

94 - 1526. Was thut der Esel mit der Sackpfeife? (1153)

‘Зачем ослу волынка?’

198-3252. Es klingt nicht wohl auf der Harfe, wenn man Gott lästert.

‘Арфа плохо звучит, когда богохульничают’

398-6699. Den rechten Schlüssel zur Harfe finden.

‘Найти подходящий ключ к арфе’⁹

95- 1549. Dem Esel die Laute geben. Der Engländer: A sow to a fiddle.(Eselsweissheit)

‘Дать ослу поиграть на лютне’

281-4672. In eine zerbrochene Laute fingen.

‘Играть на сломанной лютне’

281-4673 Einen Lautenspieler im Bußen haben.

‘Быть лютнистом в душе’

223-3688 Sie blasen in ein Horn.

‘Дуть в один рог’

⁹ Речь идет о специальных ключах для настройки арф.

354 – 5937. *Alles foll nach seiner Pfeife tanzen.*

‘Все должны танцевать под его дудку’

354 – 5937 *Nach jedermanns Pfeife tanzen.*

‘Танцевать под чью-нибудь дудку’

В 1875 году выходит сборник *Sprichwörter der germanischen und romanischen Sprachen* (Пословицы и поговорки германских и романских языков) немецкого историка и лингвиста **Отто фон Райнзберга-Дюрингсфельда**, написанный в соавторстве с его супругой, знаменитой немецкой писательницей Идой фон Дюрингсфельд [48]. Данный труд представляет собой обширную компиляцию пословиц германских и романских языков и содержит 2000 пословиц из 230 диалектов. Сборник исследуемый в данной работе, (600 страниц) состоит из нескольких частей: *Sprachen Tafel*, в которой автор приводит список всех включенных в сборник языков, разделяя их по группам (германские и романские соответственно). В книге представлены пословицы на следующих германских языках: немецком, голландском, английском, северно-фризском, древнескандинавском, датском, исландском, норвежском и шведском. В сборнике также имеются пословицы на следующих романских языках: латыни, ретороманском, французском, итальянском, каталонском, португальском, испанском, румынском. Интересным образом даны пословицы в этом сборнике: они расположены не в алфавитном порядке, а по ключевым словам в каждой пословице, например:

28-50 *das beste Lied macht durch die Länge müd.*

‘Даже от самой лучшей песни после долгого пения устанешь’

После основной пословицы указываются соответствия в тех германских и романских языках, в которых они есть, с переводом на немецкий. Становится очевидным, что задача автора-составителя - показать, насколько разным может быть внешний вид той или иной пословицы в разных языках, несмотря на полное сохранение изначального смысла. Также читатель может

обратиться к алфавитному указателю всех ключевых слов, которые разделены на группы по языкам.

В данном сборнике не представлено новых лексем, которые можно было бы отнести к музыке, однако встречаются новые образы, например, связанные со смертью:

250-452 Tod lässt nicht die Trompete vor sich her blasen.

'Перед смертью в трубу не дунешь'

250-452 Tod bläst nicht Posaune vor sich her.

'Смерть перед своим приходом в тромбон не дунет'

Как правило, большая часть пословиц с музыкальным компонентом в сборнике О. Дюрингсфельда представляет собой паремии с лексемами «песня» и «танец», что, вероятно, связано с весьма ограниченным количеством конкретно немецких пословиц в данном сборнике как таковых, ибо основное внимание автор уделяет сравнению паремий с их соответствиями в других языках.

451-141 Kurzes Lied ist bald gesungen, kurzer Tanz ist bald gesprungen

'Короткая песня быстро спета, короткий танец быстро закончен'

499-266 Es wird seltenein Lied gepfiffen, wo nicht was Wahres dran ist

'Редко поют песню там, где правды нет'

490- 24 Er lehrt ein Ferkel auf der Flöte blasen.

'Он учит свинью играть на флейте'

490-24 Er lehrt ein altes Weib tanzen

'Он учит старую бабу танцевать'

Именно в этом сборнике можно обратить внимание на тот факт, что глагол *spielen* имеет, как правило, два значения — играть на инструменте и играть в карты (наиболее часто встречается именно в отношении азартных игр). Однако, есть также и паремии, которые сочетают в себе сразу два элемента: например, в следующем выражении:

371-651 Mit der Trommel gewonnen, mit der Flöte verspielt

‘Поставил на кон барабан — выиграл, а флейт - сразу проиграл’,

Здесь встречаются сразу два музыкальных инструмента, барабан и флейта, употребленные вместе с глагольной парой *gewinnen – verspielen*, семантически характерной только для азартных игр.

477-741 Rohr gibt eine Pfeife her.

‘Из трубы можно сделать дудочку’

Завершает список паремиологических сборников труд **С. Гекеля** *Wie der Deutsche spricht (Как говорит немец)*, изданный в 1896 году [51]. Данный сборник представляет для настоящего исследования особенный интерес, в связи с появлением в нем более или менее современных выражений, которые используются в немецком языке и по сей день, либо тех выражений, которые относительно легко инкорпорировать как в литературный язык, так и в разговорную речь.

Auf etwas anspielen

‘Намекать на что-то’

Einem den Marsch blasen (ihn ausschelten)

‘Сыграть кому-то марш’ (в значении ‘отругать’)

In ein Horn blasen

‘Дуть в один рожок’

Jeder Vogel singt, wie ihm der Schnabel gewachsen ist

‘Каждая птица поет так, как у нее клюв вырос’

Er spielt dort die erste Geige

‘Он там первая скрипка’

Основной проблемой, которая возникла во время исследования данного сборника является полное отсутствие какой-либо информации об авторе-составителе, что, естественно, сильно усложняет исследовательскую задачу и препятствует полному описанию этого труда в настоящей диссертации.

Выводы к главе I

Подводя *итоги первой главы*, необходимо подчеркнуть, что если ранее каждый труд представлял собой сборник без каких-либо подробных комментариев, то в более поздних работах можно наблюдать выстроенную систему подачи материала. На системность составления сборника и его научную точность в первую очередь влияет образование и род деятельности автора-составителя. В сборнике, составленном языковедом, особое внимание уделено лингвистическим особенностям паремий, в первую очередь корням тех или иных слов, источникам изречений (с точным указанием страниц оригинала) и т.п. Однако именно в такого рода работах, как правило, совершенно отсутствуют какие-либо комментарии относительно смысла указанных паремий и другие литературоведческие комментарии. В сборниках, написанных менее научно, благодаря комментариям автора-составителя читатель с легкостью «расшифровывает» смысл, скрывающийся за тем или иным выражением, что, несомненно, существенно облегчает понимание и повышает интерес читателя к изучаемому материалу. Тем не менее, отсутствие языковедческих комментариев, касающихся происхождения паремии и других ее особенностей, усложняет задачу для исследователя при анализе материала. Таким образом, совершенно очевидным становится тот факт, что существует два кардинально разных подхода – научный и литературоведческий, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки: как для читателя, так и для исследователя. Второй немаловажной тенденцией является частотность, с которой в паремиях появляются новые музыкальные инструменты и образы, а также то, какие именно пословицы с музыкальным компонентом автор-составитель решает включить в свой сборник. Для более ранних сборников разнообразие музыкальных инструментов не характерно, авторы в основном включают в свои труды самые распространенные, в большинстве своем весьма

упрощенные варианты тех или иных изречений, в которых ключевыми мотивами являются песни, танцы и самые элементарные музыкальные инструменты, которые к тому времени уже использовались на всей территории Западной Европы. С течением времени список инструментов пополнялся, а также усложнялась сама форма изречений, что в последующих главах будет видно непосредственно из анализа паремий, избранных для настоящего исследования.

Глава 2. Анализ паремий

Описанные в предыдущей главе 14 паремиологических тезаурусов стали источниками исследуемых в настоящей работе паремий. Главный критерий отбора – лексемы, связанные с музыкой и данным видом искусства, а именно – музыкальные инструменты и их составляющие, музыкальные формы (песня, хор, мелодия, гармония и т.п.), обозначения звуков, издаваемых музыкальными инструментами. В общей сложности было выбрано 224 изречения, отвечающих данным критериям.

Каждый паремиолог предлагает свою собственную структуру анализа. Огромный вклад в паремиологию внесли два выдающихся советских фольклориста Г. Л. Пермяков и В.М. Мокиенко. В. М. Мокиенко в своей книге «Образы русской речи» [20] рассматривает наиболее необычные фразеологизмы русского языка преимущественно с точки зрения их происхождения. Сначала он анализирует то или иное изречение, акцентируя внимание на этимологии: приводит его значение на том языке, в котором фразеологизм зародился. Далее В. М. Мокиенко указывает то значение паремии, которое кажется ему наиболее четким, аргументируя свою точку зрения большим количеством примеров из внешних источников. Каждый анализ исследователь завершает выводами.

В труде «Избранные пословицы и поговорки Дальнего Востока» Г. Л. Пермяков [21] предложил свою языковую и логико-семиотическую классификацию изречений. Это классификация по опорным словам, алфавитная, монографическая, которая «строится на группировке пословиц по месту или по времени их собирания и по собирателю» [21:12], генетическая и тематическая классификации. Исследователь подчеркивает, что паремии разных языков, как правило, схожи в своем логическом содержании. Различаются же они образностью, так как у каждого народа свое собственное представление о вещах и понятиях, возникшее под влиянием

лингвокультурологических особенностей каждой страны. Г. Л. Пермяков разделяет паремии на синтетические и аналитические, а также характеризует основные свойства каждого типа изречений. В 1979 году выходит сборник «Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов», в котором Г. Л. Пермяков дополняет структуру своего анализа предметно-образной классификацией [21:7].

Наиболее структурированный вариант анализа фразеологических единиц предлагает украинский исследователь С. И. Гужанов в статье «Лингвистический анализ фразеологизма» [6]. Его схема включает в себя указание начальной формы и определение грамматической модели каждой идиомы, приведение всех значений фразеологической единицы, указание фразеологизмов-омонимов, синонимов, антонимов, а также указание слова-идентификатора значения изречения. Кроме того, в анализ входит рассмотрение стилистических особенностей того или иного фразеологизма, его этимология и указание синтаксической функции в предложении. Исследователь также предлагает рассматривать изречение с точки зрения орфографии и орфоэпии.

В настоящей работе проводится лингвистический анализ, который рассматривает каждую паремию с точки зрения ее структуры и основного значения, а также лингвопереводческий анализ, который описывает возможности перевода пословиц и поговорок. Такой анализ оказался необходим для выявления языкового своеобразия исследуемых в данной работе паремий, которые именно в тексте данной диссертации впервые представлены в переводе автора данной работы. Подобный анализ может быть полезным для переводчиков и исследователей этого уникального материала, а его результаты можно использовать на занятиях по истории языка, переводческой практике, практическому языку.

Определение типа каждого исследуемого в данной работе изречения является первым этапом лингвистического анализа. В каждом исследованном

для настоящей диссертации немецкоязычном сборнике, в котором присутствует введение от лица автора-составителя, указывается, какие именно типы изречений автор включил в тезаурус, что еще раз подтверждает тот факт, что и в немецкой литературной традиции такого рода дифференциация уже существовала и заслуживает особого внимания. Как правило, это пословицы и поговорки, а также сентенции греческих и римских мыслителей. Большую часть всех изречений, избранных для настоящей диссертации, составляют пословицы и поговорки. Однако есть и исключения: отрывки из стихотворных строф, которые являются частью старинных календарей (в общей сложности 3 изречения).

2.1. Лингвистический анализ

Пословицы и поговорки следует разграничивать, о чем не раз указывалось в важнейших паремиологических трудах и словарях, опирающихся как на русскоязычный, так и на немецкоязычный материал. В.И. Даль в своем знаменитом труде «Пословицы русского народа» пишет следующее: «В сборник этот вошли, кроме пословиц, пословичные изречения, поговорки, присловия, скоро(часто)говорки, прибаутки, загадки, поверия, приметы, суеверия и много речений, коим не сумею дать общей клички, даже простые обороты речи, условно вошедшие в употребление» [8:13].

2.1.1. Структура пословиц

В труде «Основы структурной паремиологии» Г.Л. Пермяков пишет, что различие между пословицей или поговоркой происходит по признаку грамматической завершенности. Пословица имеет вид предложения (т.е. отличается грамматической завершенностью), а поговорка – всего лишь его

части (т.е. грамматически незавершенная) [21: 16]. Г.Л. Пермяков классифицирует их по трем видам грамматической завершенности [21: 17]:

А) отдельные сочетания слов: *Оставил корову сторожить сено*

Б) самостоятельные предложения: *Сорванное яблоко обратно не прирастет*

В) небольшие рассказы или сценки (также называемые автором «побасенки»): *Верблюду сказали: – Поздравляем, тебя сам царь вызвал! – Знаю, – ответил верблюд, – или в Кохб за солью пошлет, или в Шарур за рисом.*

Также важное отличие пословицы от поговорки – элемент поучения или морали в пословицах. В отличие от поговорок, именно пословичные изречения содержат такого рода элемент. Например А. Д. Райхштейн в книге «Немецкие устойчивые фразы» пишет о том, что: «Пословицы в обобщенном виде констатируют свойства людей и явлений ('вот как бывает'), дает им оценку ('то хорошо, а это плохо') или приписывает образ действий ('следует или не следует поступать так-то'). Обязательное наличие обобщения и весьма частое оценочно-предписывающее содержание образуют для пословиц назидательный смысл. Пословицы всегда обобщают опыт народа, выведенный из его общественной практики» [23: 40-41]. Такое различие характерно также и для немецкого языка. В современной немецкой паремиологии исследователи различают *Sprichwörter* 'пословицы' и *Redensarten* 'поговорки'. В связи с этим важно отметить тот факт, что для обозначения собранного материала в большинстве своем авторы-составители сборников, которые были исследованы для настоящей диссертации, используют только обобщающее слово *Sprichwörter* 'пословицы'.

Необходимо также подчеркнуть, что формы пословиц стабильны и очень редко имеют варианты, так как главная цель пословицы – выразить некое обобщение. Даже если и существуют варианты одного и того же выражения, подобная грамматическая вариативность носит традиционный

характер. Как указывает Райхштейн, «формальная стабильность пословицы возрастает, если она построена по нестандартной синтаксической форме» [23: 50]. Это весьма понятное явление, так как не типичные для языка предложения, как правило, запоминаются лучше именно по той причине, что они бросаются в глаза, а не сливаются с другими похожими друг на друга предложениями. Здесь также следует напомнить об одной из главных задач пословичных изречений – привлечь внимание.

Об особенностях синтаксиса немецких пословиц А. Д. Райхштейн пишет, что «немецкие пословицы – это в основном повествовательные, а отчасти и побудительные предложения. Вопросительные и восклицательные конструкции для них не характерны. Господствующая форма глагола в пословицах – «вневременной» презенс индикатив» [23:43]. Структура подобного типа – одна из наиболее частотных в исследуемых в нашей работе паремиях:

Die Liebe lernet tantzen. Neander 1864

‘Любовь учит танцевать’

Данный пример выражает человеческую мудрость, то есть тот опыт, который был приобретен с годами. Здесь мы видим не рекомендацию или побуждение к действию, а нечто, свойственное в данной ситуации: если человек влюблен, то ему, как правило, хочется танцевать, поэтому неважно, есть у Вас к этому талант или нет.

Vor essens wird kein Tantz. Neander 1864

‘Перед трапезой не танцуют’

В данных изречениях мы можем наблюдать непосредственно народное замечание, а не мудрость. В данном случае на это указывают синтаксические особенности предложения, а именно – пассивная конструкция и безличность.

Одной из особенностей, характерной только для немецких пословиц, является частое использование неопределенно-личного местоимения *man*.

Man kan ein gutes Liedlein nicht zu viel singen. Neander 1864

‘Хорошая песенка надоесть не может’

Ein gut Lied fingt man wol dreymal 349, Peters 1605

‘Хорошую песню поют три раза’

Wer die Warheit geiget, dem schlegt man die Geige an den Kopf, 850, Peters 1605

‘Кто правду говорит, тому – скрипкой по голове’

Man hört am gefang wol, was es für ein Vogel ist. 601, Peters 1605

‘По пению хорошо слышно, что за птица’

Во всех приведенных выше примерах неопределенно-личное местоимение *man* указывает на то, что данное «наставление» относится ко всем без исключения, что подчеркивает высокую степень обязательности выполнения того или иного совета, заключенного в пословице.

А.Д. Райхштейн также указывает на конструкции, имеющие форму сложноподчиненного предложения, которые соответствуют модели *wer...., der.... ; wem...., dem....; wo...., da....; was...., das....; wenn...., so....; wie....,so.....* В большинстве случаев такие паремии синтаксически соответствуют похожим выражениям в русском языке, что позволяет без труда осуществить их перевод без потери специфических оттенков значения:

Wer gerne tantzt, dem ist gut zu pfeiffen. Neander 1864

‘Кто радостно танцует, тому и на дудке легко подыграть’

У данной пословицы существует синоним, который встречается еще в сборнике у Иоанна Агриколы:

Wen lustet zutantze, dem mag man leicht pfeiffen w363, Agricola 1534

‘Кто хочет танцевать, тому и на дудочке легко подыграть’

Интересны также примеры с условной синтаксической конструкцией *wenn....so:*

Wenn die Sackpfeiffe nicht voll ist, so kürrt sie nicht. Neander 1864

‘Если волынка не заполнена, то она и не заиграет’

Wenn dem Esel zuwol ist, so gehet er uffs eyß tantzen w87, Agricola 1534

‘Когда ослу хорошо, он выходит на лед танцевать’

В комментарии к данной паремии Иоанн Агрикола приводит еще один вариант: *Wenn dem Esel zu wol ist, so gumpet er* ‘Когда ослу хорошо, он прыгает’, где мы видим средневерхненемецкий глагол *gumpen* ‘прыгать, скакать’. Данная пословица характеризует жизненную ситуацию, в которой человек, который достиг большого успеха, склонен впоследствии переоценивать свои качества и умения, что зачастую приводит к необдуманным поступкам. Интересным является тот факт, что данный фразеологизм до сих пор используется в современной речи, а именно – в немецких СМИ. Единственное отличие от представленного в сборнике Агриколы варианта – отсутствие в большинстве источников глагола *tanzen*, из-за чего фразеологизм перестает иметь отношение к музыке, однако первоначальное значение полностью сохраняется:

Es wäre [...] ein Leichtes gewesen, den VfR nach so langer Zeit endlich mal wieder an die Spitze des [...] Fußballs [...] zu führen. Doch wie sagt der Volksmund so treffend: Wenn s dem Esel zu wohl wird, geht er aufs Eis!

‘Было бы легко после такого длительного времени наконец снова возвести этот футбольный клуб на вершину футбола. Однако, как гласит народная мудрость: когда ослу хорошо, он выходит на лед!’ – описать, игра слов, замена одного компонента

"Wenn es dem Esel zu wohl wird, geht er aufs Eis" lautet ein altes Sprichwort. Einigen Mitgliedern des Kirchberger Stadtrates ist es ganz offensichtlich ob der hervorragenden Zahlen im vergangenen Jahr tatsächlich zu wohl geworden.

“‘Когда ослу хорошо, он выходит на лед”, гласит старинная пословица. Очевидно, также и некоторым членам муниципалитета города Кирхберга в самом деле вскружили голову потрясающие показатели прошлого года’

Wenn es dem Esel zu wohl wird, geht er aufs Eis tanzen. In Abwandlung dieses geflügelten Wortes könnte man durchaus den neuen Weltrekord des Engländers Ian Ashpole sehen

‘Когда ослу хорошо, он выходит на лед танцевать. Новый мировой рекорд англичанина Йена Эшпоула совершенно точно является одной из вариаций этого крылатого выражения’ [64]

На уровне синтаксиса все приведенные выше пословицы обладают одинаковой структурой, которая, в свою очередь задает паремиям этой группы похожие смысловые значения, а именно – некое условие. Нетипично использование в пословицах союзов, таких, как, например, *da, nachdem, weil, obwohl, ohne dass, bis, wohin, worauf* и др.

Следует отметить также еще одну интересную форму немецких пословиц: паремии с синтаксическими конструкциями, весьма нетипичными для других как устойчивых, так и свободных немецких фраз. Главной особенностью такого рода конструкций является в первую очередь лаконичность формы, экспрессивность и относительно нечеткое выражение смысловой связи между частями пословичного изречения:

Je höher eine Glocke hängt, je heller sie klingt. 547, Peters 1605

‘Чем выше колокол, тем чище он звонит’

Здесь мы видим синтаксическую конструкцию *je...je* ‘чем...тем’: именно благозвучие, которое достигается благодаря аллитерации, подчеркивает яркость и ёмкость данного фразеологизма. Этим объясняется предпочтение формы *je...je* форме *je...desto* с аналогичным значением, так как при помощи последней невозможно было бы добиться благозвучия.

Je arger Hur, je neher dem Chor. 543, Peters 1605

‘Чем ближе хор, тем злее блудница’

Необходимо прокомментировать перевод данной пословицы. Лексема *Chor* в немецком языке имеет несколько значений [45], наиболее подходящими из которых являются следующие: *Gruppe gemeinsam singender*

Personen ‘группа поющих вместе персон’; *Gruppe gleichartiger Orchesterinstrumente oder ihrer Spieler* ‘группа однотипных оркестровых инструментов или музыкантов, играющих на них’; *das Bühnengeschehen kommentierende Gruppe von Schauspielern(Theater)* ‘группа актеров, комментирующая происходящее на сцене’; *Komposition für ein- oder mehrstimmigen Gruppengesang* ‘композиция для группового пения на один голос или разложенного на несколько голосов’; *meist nach Osten ausgerichtet, im Innern abgesetzter Teil der Kirche mit Hauptaltar* ‘как правило, обращенная на восток часть церкви в виде уступа, где находится главный алтарь’. Сборник Фридриха Петерса, где была обнаружена данная поговорка, не дает никаких комментариев относительно значения изречений, включенных в него. Таким образом, принимая во внимание семантическую составляющую рассматриваемого изречения, можно предположить, что имеется в виду самое последнее значение субстантива *Chor*. В случае, если данное предположение верно, поговорка *Je arger Hur, je neher dem Chor* связана только с религией, а не с религией и музыкой. Однако существует еще один вариант перевода, при котором *Chor* может означать хоры, в русской православной традиции более известный как клирос, то есть место для певчих в церкви на возвышении по обеим сторонам перед алтарём, или церковный хор.

Следующие примеры с такими синтаксическими конструкциями, как *wie...so (also)* и *wes....des* встречаются реже. Например в данном изречении интересно разделение предложения не запятой, а точкой, что необычно на фоне всех остальных фразеологизмов, исследуемых в настоящей работе:

Wie gefan. Alfo Vögel. 944, Peters 1605

‘Какое пение, такие и птицы’

Причиной этому могла послужить интенция подчеркнуть правоту говорящего, повысить его авторитет. Похожую ситуацию мы видим в

следующем примере, где точка разделяет две части сложного предложения, вполне вероятно, с той же целью – убедить:

Wie die Pfeife. fo der Tanz. 7800, Simrock 1864

‘Как дудка, так и танец’

А. Д. Райхштейн отдельно выделяет особые синтаксические структуры, которые не характерны для всех остальных немецких фраз (как устойчивых, так и свободных). О них он пишет следующее: «эти структуры отличаются отсутствием личных форм глагола и соответственно – особой лаконичностью формы, повышенной экспрессивностью и сравнительно нечетким формальным выражением смысловой связи между частями пословицы» [23: 44]. В данную категорию попадают и наши пословицы:

Gute Pfeifer. Brave Säufer. 7801, Simrock 1864

‘Хорошие дудочники, славные пьяницы’

Das Alte klappert, das Neue klingt. 201, Simrock 1864

‘Старое гремит, новое звенит’

Встречаются в исследуемых в настоящей работе сборниках случаи появления рифмы и созвучия в такого рода пословичных изречениях, которые, очевидно, служат усилению экспрессивности и лучшему запоминанию, о чем подробнее будет сказано в разделе, посвященном лингвопереводческому анализу. Такой стилевой эффект свойственен для народных изречений:

Den Hafen am Klang, den Narren am Sang. 4199, Simrock 1864

‘Гавань шум выдает, а дурака – пение’

Seiner Sackpfeiffenhall ist der aller beste Schall. 219, Peters 1605

‘Звук его волынки – лучший звук’

Необходимо рассмотреть конструкции *Besser/lieber.., als*. Паремии с подобной структурой хотя и встречаются в сборниках, но скорее представляют собой весьма редкое явление:

Besser geleiert, als gefeuert. 24, Band 3 Wander 1873

‘Лучше на лире сыграть, чем стрелять’

Данную пословицу Карл Вандер сопровождает следующими диалектными вариантами: *Bässer geleierd als gefeierd* (Trier), *Besser g'liret als g'fired* (Luzern). Кроме того, приводится подробное ее описание: *Besser langsam oder wenig gearbeitet, als gar nichts gethan* (там же) ‘Лучше медленно или мало поработать, чем совсем ничего не сделать’.

Es ist keine bessere Harmonie, als wenn Herz und Mund ueberstimmen
Lipperheide 1907

‘Нет лучше гармонии, чем та, когда сердце и рот находятся в согласии’

Besser in der Vogel Sang, denn in Eyfen Klang. 192, Peters 1605

‘Лучше песня птиц, чем звон мечей’

2.1.2. Лексико-семантические черты пословиц

Важно обратить внимание на замечание, высказанное А. Д. Райхштейном о том, что пословицы, во всем, что касается их содержания, так или иначе ориентированы на человека, его жизнь и характер [23: 41]. Таким образом, это позволяет с легкостью разделить пословицы на тематические группы, посвященные труду и всем, что с ним связано, человеческим отношениям, чертам характера, талантам человека и многому другому.

Главной особенностью пословицы является несоответствие между ее фактическим содержанием и компонентным значением, что указывает на идиоматичность. А. Д. Райхштейн указывает, что форма и значение пословиц всегда устойчивы: «Однако пословицы часто выступают не в самом абстрактном обобщенно-переносном значении, а лишь в каком-либо более узком смысле» [23: 48]. С точки зрения содержания А. Д. Райхштейн разделяет пословицы на три группы: 1) полностью образные; 2) частично образные; 3) необразные.

Рассмотрим полностью **образные пословицы**, которые нередко встречаются в немецких паремиологических тезаурусах. Такие пословицы

сложнее всего понять в силу их абсолютной идиоматичности. В основе таких паремий – замена абстрактных понятий, человека и человеческих взаимоотношений неодушевленными предметами и, что характерно для фразеологии многих языков, зоонимами. Зачастую в качестве замены предстает предмет или образ, взятый непосредственно из фольклора или народного быта:

Leere Tonnen geben großen Klang. 10402, Simrock 1864

‘Пустые бочки громко гремят’

Lam ist deß Wolffes vesper Glocke. 584, Peters 1605

Ягненок для волка – словно колокольный звон к вечерне

*Wenn die Katze nicht daheim ist, tanzen die Mäuse auf Tisch und Bänken. 33
Lohrengel 1860*

‘Когда кошки нет дома, мыши танцуют на столах и скамьях’

Все вышеперчисленные примеры построены на перифразе. Как правило, в качестве «главных героев» таких пословиц выступают предметы и образы, с которыми человек постоянно сталкивался в жизни, ведь цель каждого сравнения – быть понятным говорящему. Таким образом, даже если то или иное выражение неизвестно собеседнику, он сможет догадаться о чем идет речь:

Den rechten Schlüssel zur Harfe finden. 6699, Körte 1861

‘Найти подходящий ключ к арфе’

*Vögel, die bald anfangen, zu singen, ... haben bald ausgesungen. 103,
Schellhorn 1797*

‘Те птицы, что рано начинают петь, быстро выдыхаются’

Однако и из данного правила есть исключения, так как некоторые образные пословицы построены на более сложных сравнениях, как, например, в следующих паремиях:

Ein Glocke vnd Schelle dienet andern vnd höret vnd verftehet selber nichts.

345, Peters

‘Колокольчик у коровы предупреждает других, но она не слышит его сама’

Kleine Geige ift oft mit Einem Fidelbogen nicht zufrieden. 146, Simrock

1864

‘Маленькая скрипка часто недовольна смычком’

Was foll der Dohle die Harfe, dem Efel die Leier? 1153, Körte 1861

‘Зачем галке арфа, а ослу – лира?’

Ihm haengt der Himmel voller Geigen, Bassgeigen (er ist gut angelegt)

‘У него все небо скрипками усыпано’ (он хорошо обеспечен)

Для **частично образных пословиц** характерно сочетание метафоры и буквального. Таких изречений в исследуемом в данной работе материале меньше, чем образных:

*Сmp 963 * 392 Seine Nase zu einer Trompete machen. Schnaufen*

‘Сделать нос трубой’ (храпеть, сопеть)

Здесь мы видим сочетание буквального с элементами образности, которая выражается при помощи сравнения: такая, казалось бы, обыденная часть тела, как нос, сравнивается с музыкальным инструментом, что позволяет добиться определенного стилистического эффекта и легкости понимания данного сравнения.

Необразные пословицы характеризуются полным отсутствием метафоры и весьма очевидным посылом, не требующим дополнительных комментариев со стороны автора-составителя. Пословицы с полным отсутствием образности – явление, редкое для немецкой фразеологии:

Wer gerne tanzt, dem ist bald gepfiffen. 76, Siebenkees 1790

‘Кто с удовольствием танцует, тому и на дудочке легко подыграть’

Ueber die Uebung: Sing; so lernst du singen. 147, Schellhorn 1797

‘Об упражнении: Пой; так ты научишься петь’

И необразные пословицы, бесспорно, можно воспринимать совершенно по-разному. Так, несмотря на то, что в первой указанной здесь паремии речь идет о совершенно конкретном действии, не требующем дополнительных разъяснений или разгадывания – танцах и поведении человека на гуляньях и праздниках, можно отнести данное выражение к отношению человека, например, к труду: если есть желание трудиться, то и работа будет спориться. То же самое можно сказать и о втором примере, так как подразумевается здесь, в первую очередь, сам факт упражнения, что и помечает автор-составитель (*Ueber die Uebung*). Пение же в данном случае лишь иллюстрирует главный посыл. Таким образом мы видим, что «необразность» пословиц – явление весьма спорное.

2.1.3. Поговорки

А. Д. Райхштейн характеризует поговорки, как просторечные устойчивые фразы, главной чертой которых является выражение лишь частного смысла. Они не содержат обобщений, что делает их применимыми только к единичным случаям и конкретным ситуациям [23: 73]. С грамматической точки зрения поговорки не допускают трансформаций и свободных замен форм слова. Очевидно, что такие замены могут производиться намеренно, например, автором в художественном тексте, но делается это всегда с определенной целью, как правило, – достичь того или иного эффекта в повествовании. В остальных случаях такие преобразования недопустимы. А.Д. Райхштейн подчеркивает, что важно отличать поговорки от устойчивых фразовых оборотов (УФО), в которых «устойчив только основной лексический состав, но не грамматическая структура» [23: 74].

2.1.4. Структура поговорок

А. Д. Райхштейн предлагает разделять поговорки на три типа - повествовательные, вопросительные, побудительные и эмоционально-модальные.

Для **повествовательных** поговорок характерно частное суждение о том или ином предмете и явлении. [23: 80] Ключевыми словами в данном случае являются такие местоимения, как *ich, du, es, das, darauf, davon, darüber*:

*Ich habe ein Voegelchen **davon** singen gehoert Hekel 1896*

‘Я слышал, как одна птичка об этом пела’

*Er kann ein Lied **davon** singen. –Er hat Erfahrungen in dieser Sache gemacht.50. Wander 1873*

‘Об этом он может спеть песню. – У него есть в этом деле опыт’

В поговорках такие лексемы выполняют две важные функции. Во-первых, они делают поговорки универсальными с точки зрения их применения, ведь сказать «я слышал, как одна птичка об этом пела» можно по отношению к абсолютно любой ситуации. Во-вторых, как пишет Райхштейн, местоимения в поговорках «играют роль конкретизаторов, четко выражая частный смысл» того или иного изречения [23: 81]. Рассмотрим две антинимичные поговорки, первая из которых является индикатором того, что человек слышит что-то новое, а вторая используется в тех случаях, когда о чем-то слышали уже много раз. В обоих случаях конкретизатором выступает местоимение-конкретизатор, указывающее на конкретную ситуацию:

Das ist ein ander Lied. 37, Wander 1873.

‘Это уже другая песня’

Es ist ein versungen und verklungen Lied. 57, Wander 1873.

‘Эту песню все пели и слышали уже много раз’

Как правило, большинство повествовательных поговорок с синтаксической точки зрения представляют собой простое предложение, однако и здесь встречаются сложные, например:

Es find nicht alle Jäger, die das Horn gut blasen. 235 - 3894. Körte 1861

‘Не все егери хорошо трубят в рожок’

Данную поговорку было решено включить в наше исследование в первую очередь благодаря упоминанию рожка, музыкального инструмента, который не часто встречался нам в процессе отбора материала. Данный пример является хорошей иллюстрацией частного суждения говорящего о ситуации, обладая при этом не весьма типичной для поговорок сложной синтаксической структурой.

Вопросительные поговорки – не частое явление среди немецких фразеологизмов. По крайней мере, по сравнению со всеми остальными типами, рассматриваемыми в данной главе, именно поговорки, содержащие вопрос (как правило, риторический), составляют наименьшую их часть. Наше исследование показало, что такого рода поговорки связаны прежде всего с глупостью, как видно из следующих примеров:

Was soll der Dohle die Harfe, dem Esel die Leier? 71-1153. Körte 1861

‘Зачем галке арфа, а ослу – лира?’

Was thut der Esel mit der Sackpfeife? 94 - 1526. Körte 1861

‘Зачем ослу волынка?’

Данные примеры построены на скрытом сравнении: недалекий человек сравнивается, как правило, с тем или иным животным, которому противопоставляется «интеллектуальный» образ музыкального инструмента, игра на котором требует ума и мастерства.

А.Д. Райхштейн указывает, что побудительные поговорки включают глагольные и безглагольные предложения [23: 84], при этом ожидалось, что данная группа будет более обширной. Тем не менее, обнаружена была лишь

одна побудительная поговорка, с синтаксической точки зрения являющаяся глагольной:

Solt ein tolle Glocke weife Leut regiern 1046. Peters 1605

‘Пусть огромный колокол людьми управляет’

Такое небольшое количество примеров в данной категории может быть связано с тем, что поговорок как таковых в нашей выборке гораздо меньше. Так же дело обстоит с **эмоционально-модальными поговорками**, которых было найдено немного. А. Д. Райхштейн пишет, что в данном типе поговорок «наиболее частой структурой нечлененых междометных фраз оказывается именная группа, оформленная как обращение» [23:85]:

Ein lustiges Chor! Hekel, 1896

‘Какой радостный хор!’

Da sissen die Musikanten! Lipperheide 1907

‘Это там музыканты сидят!’

Отдельно необходимо сказать об эмоционально-модальных поговорках со структурой вопроса:

Was sollen einem Narren Bücher und dem Esel eine Sackpfeife!

‘Зачем это дураку книги, а ослу – волынка!’

Данный пример очень близок рассмотренным нами выше вопросительным поговоркам, но главным отличием данного примера от группы вопросительных изречений является, во-первых, восклицательный знак, указывающий на особенную интонацию, и во-вторых, выражаемое как-раз интонацией недовольство и возмущение, которые характерны для эмоционально-модальных поговорок. Из наших примеров, а также примеров, которые приводит А. Д. Райхштейн [23:84] видно, что в подавляющем большинстве случаев поговорки из данной группы имеют негативную коннотацию, будь то ирония, как в примере *Ein lustiges Chor!* или выраженное в вышеупомянутом нами примере недовольство.

2.1.5. Содержание поговорок

Как правило, мысль в поговорках выражается косвенно, с помощью тропов и других стилистических особенностей. К ним относятся гипербола, скрытое сравнение, метафора и другие стилистические приемы. Рассмотрим основные особенности исследуемых в настоящей работе поговорок. В результате проведенного нами исследования немецких паремий с музыкальным компонентом, по характеру связи общего смысла, заключенного в поговорке, со значением ее компонентов, можем выделить группы, некоторые из которых описывает также А.Д. Райхштейн [23:77]:

- 1) образные поговорки, в основе которых заключена метафора;

Mir ist nit tantzerlich! Agricola 1534

‘Мне не до танцев!’

В данном примере очевидно, что «танцы» – это лишь образ, который иллюстрирует основную мысль поговорки: «мне не до смеха». Данная паремия может использоваться в ситуациях, когда говорящему необходимо подчеркнуть серьезность его слов. Разговорность данного выражения подчеркивает краткая форма отрицательной частицы *nicht* – *nit*. Это указывает на то, что данная паремия часто использовалась в разговорной речи.

Das ift 'ne alte Flöte. 43-74, Lohrengel 1860

‘Это старая флейта’

Сравнения с музыкальными инструментами – один из наиболее часто встречающихся приёмов, которые встречаются в исследуемых нами в настоящей работе немецких фразеологизмах. Здесь мы также видим сокращение *'ne*, которое указывает на высокую степень разговорности данного изречения. В. Лоренгель никак не комментирует данную паремию, но можно предположить, что речь в ней идет о некоем деле, которое уже много раз обсуждалось.

Voegel, die zu fruehe singen, hoeren bald auf. Hekel 1896

‘Птицы, которые рано начали петь, скоро прекращают свое пение’

Как правило, зоонимы во фразеологизмах служат для обозначения людей. В случае с паремиями, исследуемыми в настоящей диссертации, была выявлена следующая особенность: птица – не лестное для человека сравнение, так как это животное представляется в немецких изречениях синонимом высокомерия и самолюбия. Таким образом, в данном примере мы видим как оценку другого человека, так и некоторое предостережение, которые были выражены при помощи метафоры.

Wenn der Teufel die Trompete krieget, so mag er auch das Mundstück holen.
244, *Düringsfeld 1875*

‘Когда черту удастся заполучить трубу, он может еще и мундштук забрать’

По той причине, что некое лицо, о котором возмущенно отзывается говорящий, сравнивается с нечистой силой, можно было бы отнести данную поговорку к более грубым вариантам паремий, где сам по себе человек заменяется различными образами. Так как ранее уже были упомянуты зоонимы, которые как-раз и выполняют данную функцию в большинстве случаев, можно утверждать, что здесь образность достигается при помощи того же принципа: образ черта помогает наиболее ярко проиллюстрировать такое качество человека, как подлость.

2) поговорки, главный элемент которых – ирония, где истинный смысл прямо противоположен компонентному значению;

Geige den Leuten wie du willft. (du geigft felten allen recht).146, Simrock
1846

‘Отчитывай людей как тебе вздумается, у тебя это редко получается как следует’

Совершенно очевидно, что данная поговорка в значении «делай, что хочешь» имплицитно подразумевает нежелание говорящего, чтобы другой человек инициировал то или иное действие. Данная поговорка построена на иронии, эффект которой усиливается также и грамматически, благодаря побудительному наклонению глагола *geigen* в значении «отчитывать» (подробнее о данной поговорке см. раздел «лингвопереводческий анализ»). Далее мы рассмотрим две синонимичные пословицы, которые автор-составитель, Отто фон Дюрингсфельд, в своем сборнике указывает одну за другой.

Er lehrt ein Ferkel auf der Flöte blasen. 490- 24, Düringsfeld 1875

‘Он учит свинью играть на флейте’

Er lehrt ein altes Weib tanzen. 490-24, Düringsfeld 1875

‘Он учит старую бабу танцевать’

Весьма интересен эффект, который достигается при помощи несоответствия семантики глагола *lehren*, который, как правило, используется только с положительной коннотацией, и, учитывая истинный смысл, заключенный в обоих выражениях, становится очевидно, что глагол «учить» здесь использован иронически. В первом примере главным элементом, указывающим на переносное значение данного высказывания, вновь является зооним, использующийся с целью высмеять такое отрицательное человеческое качество, как глупость и необучаемость. Интересен выбор глагола *blasen* вместо, например, *spielen*. Такого рода замена также является одним из средств для выражения иронии, ведь если *spielen* имеет лишь одно значение «играть» и, скорее всего, делать это хорошо, то у глагола *blasen* при переводе на русский язык значение лишь одно – «дуть», что может выражать неумелость при выполнении некоего действия, плохую игру, выражаясь образно. Так, дети, вначале не умеющие играть на духовых музыкальных инструментах, бездумно дуют в них, не имея представления о технике игры, правильного расположения пальцев на клавишах и т.п.

3) поговорки, смысл которых не очевиден и подразумевается на основании компонентов, содержащихся в изречении.

Wes Brot ich eße, des Lied ich singe. 60, Simrock 1846

‘Чей хлеб ем, того и песню пою’

Данное изречение может пониматься только буквально, а именно «на кого работаю, тому и потокаю», но и здесь мы видим такой стилистический прием, как перифраз: «хлеб» в значении «работа, труд».

Gute Leute und schlechte Musikanten! Lipperheide 1907

‘Люди-то хорошие, а музыканты неважные!’

Данная поговорка может трактоваться как буквально, так и фигурально. Ее буквальное значение можно было бы отнести к музыкальной профессии как таковой, в случае, если речь идет об оценке музыкального таланта человека, отсутствие которого нередко возмещается трудолюбием, усердием и добросовестностью, т.е. теми положительными качествами, выраженными в данной поговорке прилагательным *gute*. Еще одним, более вероятным, на наш взгляд, вариантом трактовки, могло бы быть желание говорящего подчеркнуть отсутствие у другого человека каких-либо необходимых для некоего дела качеств.

2.2. Возможности перевода паремий

Паремии – всегда образные выражения, которые можно трактовать совершенно по-разному. Следует отметить, что не всегда с самого начала понятно, что конкретно имеется в виду в каком-либо изречении. Как правило, полезными являются комментарии автора-составителя того или иного сборника, о чем уже говорилось ранее, однако в некоторых случаях такие комментарии могут не быть представлены. Именно по этой причине очень

важным является качественный и четкий перевод паремий. В настоящей работе было принято решение самостоятельно осуществить перевод всех пословиц и поговорок. Во-первых, именно в процессе перевода изречений открывались многие интересные особенности формы и содержания изречений, что, несомненно, пригодилось позже при анализе паремий. Во-вторых, далеко не все немецкие фразеологизмы, исследуемые в данной диссертации, переведены на русский язык, поэтому появилась необходимость заполнить эту лакуну, чтобы русскоязычный читатель мог в полной мере ознакомиться с исследуемым в работе материалом. Кроме того, в ходе исследования выяснилось, что ни один из доступных читателю немецких сборников, включая тезаурусы, являющиеся материалом для настоящей работы, не переведен на русский язык. Особенно удивляет тот факт, что отсутствует перевод такого монументального труда, как словарь немецких пословиц и поговорок «*Deutsches Sprichwörterikonikon*, 1867—1880» Карла Вандера, третий том которого также послужил одним из источников при отборе изречений для настоящего исследования. На данный момент существуют лишь сборники, составленные русскими авторами. Один из наиболее известных и авторитетных среди них – немецко-русский фразеологический словарь Л.Э Биновича и Н.Е Гришина [3], который является наиболее полным собранием изречений немецкого языка, так как содержит 14 тысяч фразеологических единиц — идиом, пословиц, поговорок и крылатых слов. Особенностью сборника является то, что в нем каждое изречение иллюстрируется отрывками из трудов великих немецких писателей XIX—XX вв.

2.2.1. Осложненность предложений

Характерной чертой немецких образных выражений является ёмкость. Это объясняется тем, что пословица должна быть легкой для запоминания. Грамматическая осложненность высказываний и нагромождение синтаксических конструкций препятствуют этому и неизбежно вызывают проблемы при переводе.

Mit der Trommel gewonnen, mit der Flöte verspielt. 371-651 Düringsfeld 1875

‘Поставил на кон барабан – выиграл, а флейту – сразу проиграл’

При переводе данного изречения на русский язык теряется легкость высказывания, а также размер.

Еще один вариант данной пословицы с аналогичным значением встречается в сборнике у Карла Зимрока:

Mit der Pfeife gewonnen, mit der Trommel verthan. 7804. Simrock 1864

Особый интерес представляет встречающаяся в сборнике у С. Гекеля лексема *Der Blasengel*, которая фактически является образным выражением, которое следует рассмотреть отдельно. Данное существительное представляет собой тот случай, когда при переводе на русский язык комментарий автора-составителя является решающим. С. Гекель пишет о данной лексической единице следующее:

Der Blasengel = Bosaunenengel (gesundes Kind. Das Wort erinnert an die musizierenden himmerlischen Heerscharen, wie man sie namentlich an Orgelhausern dargestellt findet). Hekel 1896

‘Ангелок с рожком: здоровый, толстощекий ребенок. Данное выражение связано с небесными образами и изображениями ангелов с дудочками, которые часто можно увидеть в церкви’.

Совершенно очевидно, что одним словом данную лексему перевести не удастся в силу различий и особенностей немецкого и русского языков. По

этой причине теряется легкость и ёмкость немецкого оригинала. Кроме того, необходимо привести комментарий автора-составителя в качестве лингвокультурологического комментария, так как даже в случае развернутого перевода значение данного выражения может представлять трудности для читателя.

2.2.2. Трансформации

Термин «трансформация» широко используется в переводоведении. В.Н. Комиссаров пишет, что трансформациями называются «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле; поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формаль-но-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [10:172]. Л. К. Латышев определяет переводческие трансформации как «намеренные отступления от структурного и семантического параллелизма между ИТ и ПТ в пользу их равноценности в плане воздействия» [14: 34]. Л. С. Бархударов также подчеркивал важность переводческих трансформаций: «достижение переводческой эквивалентности («адекватности перевода»), вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков, требует от переводчика прежде всего умения произвести многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования — так называемые переводческие трансформации — с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм ПЯ»[2:189].

Данные процессы подробно описывает И. С. Алексеева в книге «Введение в переводоведение»: «Под трансформациями мы будем понимать межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне» [1: 158]. Автор выделяет 4 типа переводческой трансформации: 1) перестановки; 2) замены; 3) добавления; 4) опущения. При переводе исследуемых в настоящей работе немецких изречений на русский язык наиболее распространенными типами трансформации, к которым пришлось обратиться, являются **перестановки, замены и опущения**.

И. С. Алексеева характеризует перестановку как «изменение в переводе расположения (порядка следования) языковых элементов, соответствующих языковым элементам подлинника». [1: 159]. Рассмотрим наиболее яркие примеры перестановки при переводе выбранных для анализа в данной работе немецких паремий:

On Wein ist kein Tanz. 1055 Peters 1605

‘Что за танцы без вина’ (букв. ‘Без вина танцев не бывает’)

В данном примере можно наблюдать изменение порядка слов, связанное с различиями в закономерностях порядка слов в немецком и русском языках, а также разговорной конструкции «что за...без...», свойственной русскому языку и наиболее точно передающей значение данной немецкой поговорки.

Следующий тип переводческой трансформации, который необходимо рассмотреть, это **замена**. Как правило, при переводе немецких изречений к данному типу трансформации приходилось прибегать чаще всего:

Alte Geigen bezieht man auch mit neuen Saiten. 146 Simrock 1864

‘И на старых скрипках струны поменять можно’

Замена глагола *beziehen* ‘обтягивать’ глаголом *поменять* обусловлена более высокой частотностью употребления последнего в русском языке в

данном контексте, а также тем, что глагол *поменять* позволяет сохранить размер изречения и избежать грамматической сложности.

Сложность при переводе пословиц представляет, например, глагол *geigen* ‘букв. играть на скрипке’ в следующих пословицах:

Werdte Warheit geiget, dem schlegt man die Geige an den Kopf. 850 Peters 1605

‘Кто говорит правду, тому скрипкой по голове бьют’

Geige den Leuten wie du willft, du geigft selten allen recht. 146 Simrock 1864

‘Отчитывай людей как тебе вздумается, у тебя это редко получается как следует’

В словаре немецкого языка Duden, помимо указанного выше значения ‘играть на скрипке’, приводится следующая дефиниция: ‘отчитывать кого-либо, устраивать нагоняй, распекать’ [44]. За счёт того, что в русском языке однокоренного глагола, который соответствовал бы лексеме *geigen*, не представлено, при переводе в некоторых случаях теряется задуманная игра слов.

Лексические замены при переводе фразеологических единиц неизбежны, когда речь идет о соответствиях. Для немецких пословиц и поговорок XVI-XIX вв., исследуемых в настоящей диссертации, большое количество соответствий в русском языке не характерно, однако и такие примеры в нашей выборке представлены:

Sein Grab Lied. Sigismund 1713

‘Лебединая песня’ (букв. Его гробовая песня)

Совершенно очевидно, что в данном случае мы не будем переводить немецкое изречение буквально, так как в русском для него есть точное соответствие. Как правило, у фразеологизма будет эквивалент в другом языке, если оба изречения объединяет общее происхождение, как в случае с «лебединой песней», на что указывает автор-составитель:

Cantator Cygnis funeris ipse sui

Dulcia defecta modulatur carmina lingua,

*Cantator, cygnus, funeris ipse sui, &c.*¹² [Martial, *Epigrams*, 13. 77.

1.]/[42:237]

‘Лебедь, певец собственной смерти, изменяет свои нежные песни, ведь его собственный язык не друг ему больше’

Еще один вариант данного изречения приводит Карл Вандер:

Das letzte Liedlein singen. 185, Wander 1873

‘Петь последнюю песенку’

При переводе данного выражения на русский язык, лучше всего использовать соответствующий ему фразеологизм ‘песенка спета’ [33]: *Твой отец добрый малый, — промолвил Базаров, — но он человек отставной, его песенка спета* (И.С.Тургенев «Отцы и дети» [32: 85])

Man kennt den Hafen am Klang', Den Vogel am G'sang', Den Esel an den Ohren, Am Reden den Thoren, -. Am G'sichte den Mohren

‘Порт морской звон **выдает**, птицу – пение, осла – уши, Тора –речь , мавра –лик’

В данном примере важно обратить внимание на перечисление, прием, рассмотренный нами выше. Как правило, при перечислении не указывается больше, чем три образа, однако здесь мы можем наблюдать пять небольших зарисовок, составляющих данное изречение.

Nach jemandes Geige tanzen muessen

‘букв. Танцевать под чью-нибудь скрипку’

Как показывает данный пример, при переводе данного изречения лучше всего прибегнуть к использованию русскоязычного соответствия, а именно «танцевать под чью-нибудь дудку». Таким образом, происходит лексическая замена немецкого существительного *Geige* ‘скрипка’ на русское *дудка*.

Следующий пример, которые мы рассмотрим, И.С. Алексеева характеризует как «замену отглагольного существительного со значением деятеля в немецком языке на глагол в русском языке» [1: 160]:

Vor essens wird kein Tantz

‘Перед трапезой не танцуют’

В данном случае немецкое существительное *Tantz* ‘танец’ лучше заменить на русский глагол *танцевать*.

Также может использоваться прием **опущение**, так как нередко опускаемая при переводе на русский язык лексема делает перевод более лаконичным, сохраняя основные функции и экспрессивность изречения, не искажая его значение:

*Mancherley Vögel **fingen**, mancherley Gefang. 605, Peters 1605*

‘Разные птицы, разное пение’

Интересно отметить, что еще один вариант данного немецкого изречения встречается у Карла Зимрока [63: 521] и Вильгельма Кёрте [53:454], а именно: *Mancherlei Vögel, mancherlei Sang*, который полностью соответствует предложенному нами ранее переводу. Кроме того, необходимо отметить орфографические и лексические изменения, которые претерпела данная пословица: написание лексемы *mancherley(i)* и существительное *(Ge)sang*. Объясняется это тем, что первый вариант данной паремии, который мы видим у Фридриха Петерса (1605 год) был занесен им в сборник, когда данное изречение только появилось. Второй, несколько измененный, вариант, который отмечен в сборниках у Зимрока (1846 год) и Кёрте (1861), за столько лет успел претерпеть существенные изменения, а именно орфография, опущение глагола *singen* и замена существительного *Gesang* на более короткое *Sang*. Всё это вновь указывает на то, что для пословиц ёмкость играет важную роль.

Для того, чтобы проиллюстрировать второй случай возникновения опущения, рассмотрим следующий пример:

Er spielt dort die erste Geige Hekel 1896

‘Там он – первая скрипка’

Как можно увидеть, те лексемы, которые сочетаются между собой в немецком языке, а именно глагол *spielen* + существительное в контексте *einen Musikinstrument spielen* ‘играть на музыкальном инструменте’, в некоторых случаях не так хороши в сочетании друг с другом, когда речь идет о конструкциях русского языка. Так, предложение *Он там – первая скрипка* звучит лаконичнее и соответствует одной из главных функций фразеологизмов, а именно – обеспечению легкости запоминания.

2.2.3. Игра слов

Игра слов является одним из наиболее распространенных приемов в немецких изречениях. Об этой особенности немецких фразеологизмов пишут многие исследователи, в частности, О. П. Симутова [Симутова 2015] статье «Игра слов в немецких пословицах и поговорках» подробно описывает характерные для немецких паремий с игрой слов стилистические явления – паронимазия, аллитерация, парадокс, ирония и оксюморон. Особое внимание автор публикации уделяет паремиям, построенным на омофонных (одинаково звучащих) лексических элементах. Так, О. П. Симутова указывает, что «явление паронимазии заключается в звуковом подобии слов, имеющих разные морфологические корни» [29: 162]. Важно отметить, что лексические пары при паронимазии относятся к одной части речи:

Geiger und Pfeifer sind keine Scheerenfleifer. 146, Simrock 1864

‘Скрипачи и дудочники – это вам не точильщики’

В данном примере необходимо обратить внимание на комментарий К. Вандера: *Wer etwas klimpern kann, will schon Künstler heissen, wenn die Kunst ihm auch völlig fremd ist.* ‘Те, кто хоть немного умеют пикировать на каком-нибудь инструменте, уже называют себя людьми искусства, хотя на

самом деле от искусства они далеки'[67]. Ранее мы уже упоминали такое понятие как классовость, когда речь идет о музыкальных инструментах. В данном изречении речь именно о ней – сравниваются музыканты, то есть люди, которые, как правило, занимают в обществе более высокую позицию по сравнению с представителями рабочего класса. И. Шабунова указывает, что в Средневековье произошло «изменение социального положения музыканта: на смену странствующим исполнителям приходит инструменталист, стремящийся к «оседлости». Эта тенденция приводит формированию фигуры музыканта-профессионала, выполняющего свои обязанности по части «музыкального хозяйства» и находящегося на службе у городского магистрата» [34: 86]. Тем не менее, в рассматриваемом изречении мы видим едва уловимую иронию, передаваемую при помощи игры слов, – скрипачи и дудочники, конечно, не точильщики, но и им зазнаваться не следует, так как их социальное положение в былые времена было совершенно другим. Данную мысль выражает следующая пословица, также с игрой слов:

Gute Pfeifer. Brave Säufer. 7801 Simrock 1864

‘Хорошие дудочники, славные пьяницы’

Народный характер данной пословицы подчеркивает просторечный субстантив *Säufer* ‘пьяница’, которая сопровождается в словаре пометой *salopp abwertend*, т.е. ‘небрежно, уничижительно’ [47]. Кроме того, с точки зрения синтаксиса, данный пример показывает характерную для немецких пословиц с игрой слов парцелляцию. Очевидно, что в устной форме эта особенность не важна, так как изречение будет в любом случае звучать как единое целое, однако в том, что касается письменного перевода такого рода синтаксических конструкций на русский язык, необходимо отметить, что наилучшим вариантом перевода является трансформация немецкого исходного текста, состоящего из двух отдельных предложений, в сложное предложение с опорой на правила русского языка:

*Den Hafen am **Klang**. Den Narren am **Sang**. 4199 Simrock 1864*

‘Гавань шум выдает, а дурака – пение’

В данном примере мы заменили парцелляцию в исходном немецком изречении на сложносочиненное предложение в его переводе на русский язык: такой перевод является наиболее удачным по той причине, что для русской фразеологии парцелляция не характерна. Это можно увидеть в трудах о синтаксисе русских пословиц, например, в книге П. Глаголевского «Синтаксис русских пословиц». Автор подчеркивает, что одним из типичных явлений в языке пословиц является опущение союзов, однако в таких случаях используются тире и точка с запятой, но, как видно из примеров, приводимых автором, двух отдельных предложений в русских пословицах не встречается [5: 34].

Главной проблемой перевода пословиц, построенных на паронимии, является то, что при переводе на русский язык, как правило, очень сложно сохранить рифму, которая содержится в оригинальном немецком изречении, за счет чего зачастую теряется экспрессивность выражения. В описанных выше фразеологизмах созвучие сохранить не удалось, однако есть примеры, при переводе которых звуковое подобие слов остается:

*Wer fängt im alten **Ton**, bekommt nur alten **Lohn**. 10401 Simrock 1864*

‘Кто по-старому **поёт**, много не **соберёт**’

(букв.) ‘Кто поет по-старому, много не заработает’

В данном примере наилучшим вариантом перевода является замена немецких существительных *Ton* и *Lohn* на русские глаголы. Такого рода трансформации характерны при переводе пословиц на русский язык, о чем уже было сказано в разделе, посвященном переводческим трансформациям.

*Wenn April bläht in fein **Horn**, steht es gut mit Heu und **Korn**. 746 Lohrengel 1860*

‘Когда апреля слышен **рог**, и кукуруза есть, и **стог**’

Пословицы подобного типа, как правило, возникают из стихотворных песен в старинных календарях (Cisiojanus), которые мы уже упоминали ранее. Таким образом, здесь очень важно при переводе на русский язык сохранить рифму, чтобы передать колорит исходного немецкого образного выражения.

Другие примеры перевода пословиц с паронимами являются менее удачными. В данном изречении теряется размер исходной немецкой паремии, а также смысл пословицы продолжает оставаться туманным и требует авторского пояснения.

*In vierzig Wochen wird ficks **zeigen**, Wie man gespielt hat auf der Geigen*, 3179 Simrock 1864

‘Недель через сорок глянем **мы**, как сыграли **скрипачи**’

(букв.) ‘Через 40 недель посмотрим, как на скрипках сыграли’

Кроме того, данный пример содержит паронимы, представляющие собой различные части речи. Подобные изречения встречаются также в сборнике Карла Фридриха Вандера 1873 года:

*Ein Lied aus dem **Herzen** lässt sich schwer in Noten **setzen***. 48 Wander 1873

‘Песню, идущую из сердца, сложно переложить на ноты’

О.П. Симутова указывает, что «лексические пары при паронимии принадлежат к одной части речи, выполняют в предложении аналогичные синтаксические функции» [29: 162]. Однако необходимо отметить, что немецкие паремии не всегда придерживаются данного правила, как можно увидеть из приведенного выше примера, где *Herzen* и *setzen*, очевидно, являются разными частями речи, но, тем не менее, формируют интересную игру слов.

Аллитерация – один из наиболее частотных приемов, использующихся в немецких пословицах и поговорках с игрой слов. О. П. Симутова подчеркивает, что данный стилистический прием нередко использовался в древнегерманской поэзии и заключался «в повторении одинаковых звуков или звукосочетаний в начале ударных слогов, в начале слов, в том числе

составляющих устойчивые словосочетания» [29:163], что видно из следующих примеров:

Besser geleiert, als gefeuert. 24Wander 1873

‘Лучше на лире сыграть, чем стрелять’

В данном примере нам удалось сохранить повторение звуков в начале слов, однако и здесь не удалось избежать трансформации на морфологическом уровне. В исходном немецком тексте использованы формы Partizip II, которые на русский язык в данном случае лучше переводить глаголом в начальной форме.

Das alte Lied, das alte Leid. 48 Wander 1873

‘Старая **песнь**, старая **боль**’

В исходном немецком тексте лаконичность и эффектность данного высказывания достигается именно за счёт аллитерации, которую мы можем видеть как в прилагательном *alte* ‘старая’, так и в паре *Lied/Leid* ‘песня/боль’, что не просто сохранить при переводе на русский язык.

Neue Leier, neue Dreier. 24Wander 1873

‘Новые **лиры**, новые **дрейеры**’

(комментарий автора-составителя: *Das Neue gefällt überall dem Volk am besten* ‘Новое нравится народу больше всего’) [67]

В данном примере сложность при переводе вызывает, в первую очередь, наименование денежной единицы. Как правило, такого рода лексемы требуют дополнительного лингвокультурологического комментария, благодаря чему данный фразеологизм можно было бы отнести к изречениям с интертекстуализмами, о которых будет сказано позже.

Der Pfaw hat ein Engelisch Gewand, ein diebischen Gang und ein Teufflischen Gefang. 257, Peters 1605

‘У павлина ангельское одеяние, воровская походка и дьявольское пение’

В данном примере необходимо обратить внимание на синтаксическую конструкцию, используемую в немецком изречении. Как показало данное исследование, перечисление – один из наиболее частотных приемов в немецких паремиях. Символика числительных в художественном тексте уже давно является объектом внимания исследователей. Так, советский лингвист В.Н. Топоров пишет о том, что «в архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Тем самым они [числа] становились образом мира и отсюда - средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [31: 629]. Как правило, количество перечисляемых предметов в немецких паремиях не превышает трех. Это связано с тем, что данное число принято ассоциировать с порядком и равновесием, завершенностью. В.Н. Топоров характеризует число «три» следующим образом: «оно [данное число] открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное число. 3 – не только образ абсолютного совершенства, превосходства (ср. роль числа 3 как суперлатива: трисвятый, треклятый и т. п.), но и основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации (включая и нормы стандартного поведения)» [31: 629].

2.2.4. Интертекстуализмы

Интертекстуальность – термин, впервые введенный французским философом и исследовательницей литературы и языка Юлией Кристевой в статье «Бахтин, слово, диалог и роман»: любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [12: 429].

Н. А. Кузьмина, исследуя истоки интертекстуальности, пишет следующее: «И. Смирнов рассматривает интертекстуальность как способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты [Смирнов 1985: 12]. Л. Дэлленбах и П. Ван ден Хевель называют интертекстуальностью взаимодействие внутритекстовых дискурсов [Ильин 1989: 198]. «Соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов – так определяют это понятие Ж. Женетт, У. Бройх, М. Пфистер в западной лингвистической традиции; А. Жолковский, М. Ямпольский, В. Руднев – в русской [Жолковский 1985; Ямпольский 1993; Руднев 1997; Женетт 1998] » [13: 19].

Например, И. С. Алексеева описывает интертекстуализмы как «особый разряд лингвоэтнических реалий, оформленных в тексте как прямые или скрытые цитаты разнообразных текстов, известных носителям данного языка из их культурно-исторического опыта» [1: 175]. В том случае, если полное сохранение интертекстуального компонента переводимого текста по различным причинам не представляется возможным, на данный момент решением проблемы является снабжение такого фрагмента текста подробным комментарием. И. С. Алексеева указывает, что при переводе интертекстуализмов возможна «полная или частичная утрата интертекстуальности, а также замена интертекста, содержащегося в ИТ, на интертекст, вызывающий аналогичные ассоциации, но присущий ПЯ и его культуре» [1: 180].

Для пословиц интертекстуализмы особенно характерны по той причине, что паремии зачастую отражали реалии той страны, где они зародились. Об этом пишет К. Граф в статье «Stadtphantasien: Erzähl-Male und Sprichwörter», [50: 25] которая посвящена, в первую очередь, средневековой, а также пословицам и поговоркам, возникшим в Средневековье и в Раннее Новое время. Автор статьи указывает, что паремии являются «носителями памяти», и в этом заключается основная причина трудностей восприятия

старинных фразеологизмов современным читателем. В публикации автор обращает внимание на редкие и сложные изречения, нечасто встречающиеся во фразеологических словарях, а также рассматривает особенности старинных пословиц, на которые исследователю необходимо обратить внимание. Это еще раз доказывает тот факт, что при фразеологическом анализе важную роль играет исторический аспект. Проблему «непереводимости» затрагивает также польский исследователь М. Яскот своей работе «Equivalent culture-anchored units translation: the phraseological units issue» [52: 58] : Основное внимание уделяется главным вопросам кросс-культурного лингвистического анализа, рассматриваются такие понятия как культура и переводческая эквивалентность. Кроме того, автор исследует проблемы перевода характерных только для данной культуры особенностей, которые, как правило, и составляют основу большинства паремий, в том числе и тех, которые исследуются в настоящей диссертации. М. Яскот предлагает различные пути решения проблемы непереводимости фразеологизмов, главным из которых является вышеупомянутое комментирование сложных фрагментов текста.

Как правило, в изречениях, рассматриваемых в настоящей работе, основные сложности вызывают отрывки из песен, например:

Das Bohnenlied: war ein viel gesungnes Volkslied, das allerlei Thorheiten verspottete und dem, der sie beging, am Ende jeder Strophe zurief 'Du gang mir aus den Bohnen!' (geh deiner Wege, mit einem solchen Thoren will ich nichts zu thun haben). Hekel 1896

‘(букв. Бобовая песня. Популярная народная песня, которая высмеивала различные глупости. Тому, кто ее начинал, в конце каждой строфы кричали: вон из моих бобов! Т.е. иди своей дорогой, не хочу иметь дело с таким глупцом’)

Это старинная шуточная песня, которую в древности пели в честь Бобового Короля. Необходимо также привести идиомы, главным

компонентом которых является «бобовая песня»: Das geht (noch) übers Bohnenlied, Das ist mir übers Bohnenlied: das ist unerhört und unglaublich, es übersteigt jedes erlaubte Maß; pfälzisch: »Des geht iwers Bohnelied«: das ist sehr ungehörig, derb, schamlos, ungewöhnlich.¹⁰[36]

Viola, Bass und Geigen, die muessen alle schweigen vor dem Trompetenschall (1825) Studentenlied

‘Виолончель, контрабас и скрипки умолкают, когда в игру труба вступает. Студенческая песня’

Несмотря на то, что рифму оригинала в данном случае сохранить удалось, можем заметить нарушение размера, что описывалось выше. При переводе игры слов и рифмованных строк в паремиях такого рода изменения зачастую неизбежны. Кроме того, снова можно заметить перечисление, уже рассмотренное нами ранее.

Другим видом интертекстуализмов являются пословицы и поговорки, которые содержат аллюзии на различные исторические события. Как правило, в народных изречениях лингвокультурологические особенности отражаются имплицитно, в то время как в паремиях с интертекстуализмами мы явно видим указание на определенные тенденции в жизни общества, а также, как показывает следующий пример, в политике:

Politisch Lied, hässlich Lied. Jedes Lied kann hässlich sein, wenn es durch Inhalt oder Form misfällt; der politische Charakter allein macht es weder hässlich noch schön, was von den religiösen wie von jedem andern Liede ebenso gilt. – Wander

‘Политическая песня, отвратительная песня. Комментарий автора-составителя К. Вандера: каждая песня может быть отвратительной, если она не нравится формой или содержанием; сам по себе политический характер

¹⁰ «Это какая-то бобовая песня» - это неслышанно и невиданно, превышает разрешенную меру; Пфальцский диалект: это очень неприлично, грубо, бесстыдно, не типично.

песни не делает ее ни отвратительной, ни прекрасной. То же самое можно сказать о религиозных и других песнях.’

К. Вандер стремится показать, что «отвратительная политическая песня» представляет собой весьма субъективную оценку той или иной политической песни, так как во все времена люди поддерживали различные политические движения. Соответственно, вполне логично предположить, что представитель той или иной партии будет негативно проявлять свое отношение к представителям оппозиции.

Wenn das Lied aus ist, so singt man: Gloria patri et filio. – Eiselein, 429.

‘Когда песня закончена, поют *Gloria patri et filio*’

В случае с данной паремией переводчик может столкнуться с проблемой, стоит ли оставлять латинское изречение без перевода. Предполагается, что существует два пути: оставить латинскую сентенцию в том виде, в каком она представлена в оригинале, или полностью перевести изречение на русский язык. Для сохранения и полноценной передачи интертекстуализма, который фигурирует в данном фразеологизме, первый путь был бы предпочтительнее.

Gloria patri et filio является первой строчкой одноименной христианской молитвы и на русский язык переводится как «Слава Отцу и Сыну», что русскоязычным читателем будет однозначно восприниматься как неполный вариант известной молитвы «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» – как мы видим, часть предложения, а именно «Святому Духу», в немецком изречении опускается. Таким образом, если будет принято решение перевести данную паремию полностью, без сохранения латинской сентенции, одним из вариантов перевода мог бы быть следующий:

‘Когда песня закончена, поют Слава Отцу и Сыну и Святому Духу’

Указания на наличие в пословице интертекстуальных элементов, как правило, приводит сам автор-составитель, например:

30 *Wer das Lied nicht weiter kann, der fang' es wieder von vorne an.*
Sprichwort geworden aus dem bekannten Liede: „Das neue Lied, das neue Lied
von dem versoffnen Fahnenschmied; und wer das Lied nicht weiter kann, der fang'
es wieder von vorne an.“ Wander

‘Если не помнишь, как дальше поется, всю песню с начала начать нам придется. Комментарий автора-составителя К. Вандера: данная пословица появилась благодаря известной песне «Новая песня, новая песня пьяного кузнеца; если не помнишь, как дальше поется, всю песню с начала начать нам придется»’.

В ходе исследования было отмечено, что трансформация какой-либо части песни в пословицы и поговорки – весьма типичное для немецкого языка явление, как можно увидеть из рассматриваемых нами в данной главе примеров.

Das breslauer Lied singen. (Schles.) Man sang früher in Deutschland ein scherzhaftes Lied, das man an dem einen Orte das breslauer, an einem andern das bremer nannte. Fülleborn (Bresl. Erzähler, 1800, 297) führt folgende Strophen an: Von Breslau will ich singen, ist gar ein schöne Stadt, Wer Beine hat, kann springen, wer Geld hat, isst sich satt. Wer drin erkrankt mit Schaden, dem ist nicht wohl zu Haus, Und wen sie drin begraben, der kommt nicht mehr heraus. Wander

‘Петь вроцлавская песню (Шлезвиг). Комментарий автора-составителя К. Вандера: раньше в Германии пели шутивную песню, которую в одном месте называли вроцлавской, а в другом – бременской:

Чудесный город Вроцлав, о нем хочу вам спеть,
Есть ноги – можешь прыгать, есть деньги – сытно есть.
В постели кто лежит больной – не так всё дома гладко,
А кто в земле лежит сырой, тот не вернется обратно.’

В данном примере особенный интерес представляет именно комментарий автора-составителя Карла Вандера. Дело в том, что комментарий объясняется лишь происхождением изречения *Das breslauer Lied singen*, но нет

ни слова о значении данного фразеологизма. Найти какие-либо указания на значение автору настоящей работы не удалось. Если внимательно исследовать строки песни, можно заметить, что в них прослеживается ирония. На это указывает контраст между первой строкой *ist gar ein schöne Stadt* и дальнейшим содержанием куплета. Таким образом, можно предположить, что «петь вроцлавскую песню» могло означать действие с негативной коннотацией, то есть «нелестно, с издевкой отзываться о ком-то». В случае с данным изречением указывается также и его происхождение, а именно – Шлезвиг. Такого рода информация также может оказаться полезной для переводчика, в особенности, если речь идет о диалектных вариантах той или иной поговорки, которые нередко встречаются в различных сборниках, в том числе и у самого Карла Вандера. Так, можно ознакомиться с другими вариантами поговорки, а также выяснить, есть ли у нее литературное соответствие. В случае с рассмотренной выше поговоркой, единственным путем решения проблемы перевода интертекстуализма, заключенного в ней, является добавление специального комментария, исторической справки, благодаря которой читатель сможет ознакомиться с происхождением изречения. Кроме того, здесь мы также видим переводческую проблему, которая уже была рассмотрена выше, а именно – игру слов. В данном случае при переводе данной поговорки на русский язык благодаря дополнительным размышлениям её удалось решить, сохранив как смысл, так и рифму, которые мы видим в немецком оригинале.

Выводы к главе II

Лингвистический анализ пословиц и поговорок показал, что именно пословичные изречения встречаются среди отобранных нами поговорок с музыкальным компонентом наиболее часто, так как очень разнообразны формы пословиц, в отличие от поговорок. Кроме того, проведенный анализ

позволил выявить основные особенности, которые помогли более четко провести границу между пословицами и поговорками. Исследуемые в настоящей диссертации немецкие паремии ранее не переводились на русский язык, что послужило причиной для проведения лингвопереводческого анализа сентенций и выявления некоторых особенностей данных изречений. В первую очередь данные особенности касаются фразеологизмов, основанных на игре слов. Подобные изречения наиболее сложно передать на русский язык с полным сохранением таких стилистических явлений, как парономазия и аллитерация. Второй особенностью, с которой пришлось столкнуться при переводе пословиц и поговорок, была осложненность предложений, при которой теряется важная для паремиологических единиц ёмкость и экспрессивность высказывания. Одной из главных особенностей перевода фразеологизмов являются переводческие трансформации, а именно перестановки, замены и опущения, обращение к которым в некоторых случаях было необходимо, так как именно благодаря такого рода трансформациям удавалось наиболее удачно выполнить перевод сложных немецких паремий, исследуемых в работе. Еще одной особенностью паремий являются интертекстуализмы, которые всегда представляли сложность для переводчика, так как в них, как правило, заключена определенная лингвокультурологическая информация, некая специфика, расшифровать которую зачастую может быть непросто, в особенности, если пословица не снабжена комментариями автора-составителя, указывающими на её происхождение. В данном случае наиболее целесообразными при переводе представляются два пути, приводимые И.С. Алексеевой, которая указывает, что при переводе такого рода изречений интертекстуальность может быть сохранена не полностью, или даже утрачена. Кроме того, переводчик может заменить интертекст, который содержится в немецких паремиях, на интертекст, понятный носителю русского языка и присущий его культуре. [1: 180].

Заключение

Детальный анализ немецких изречений, который был проведен с опорой на немецкие паремиологические тезаурусы XVI-XIX веков, тщательно исследованные и описанные, показал, что пословицы и поговорки с музыкальным компонентом, изученные в настоящей работе, чрезвычайно разнообразны как по форме, так и по содержанию, несмотря на общую музыкальную тематику. Изречения, в которых ключевыми выступают субстантивы (например, музыкальные инструменты и их составляющие, различные звуки, наименования музыкальных профессий, зоонимы и даже части тела) могут быть оформлены и в краткие высказывания, и в грамматически осложненные.

В немецких паремиях прослеживается отчетливое развитие человеческого интеллекта, творческой составляющей его жизни, а, соответственно, и самого языка. В XVI веке из активных инструментов в паремиях упоминается лишь дудка. Далее, в пословицах более позднего времени, именно этот инструмент будет олицетворять нечто элементарное, не требующее усилий для освоения: *Wer kein Fiedler werden kann, der bleib' ein Pfeifer* 'Кто не может стать скрипачом, тот продолжает играть на дудочке'. Такие инструменты, как скрипка (включая ее элементы – струны и смычок, труба, волынка, кларнет) появляются в паремиях гораздо позднее. В изречениях XIX века впервые начинают фигурировать хор и аллюзии на оркестр (*Ein lustiges Chor; Er spielt dort die erste Geige*). Со временем изречения усложняются, в них используется большее количество символов, их значение все сложнее проследить без комментария автора-составителя.

Что касается танца, то, так как большинство паремий пришло в язык «из народа», здесь мы не видим ничего изысканного, как правило, это танцы на народных гуляньях (*Vor essens wird kein Tantz*). В данных паремиях отсутствуют также упоминания инструментов, устроенных более сложно

(например, органа и других клавишных или духовых инструментов). Среди глаголов наиболее распространенным оказался глагол *singen*. Наименьшую группу составляют наречия, среди которых такие лексемы, как *hoch, tantzerlich, niedrig* и *zutantze*.

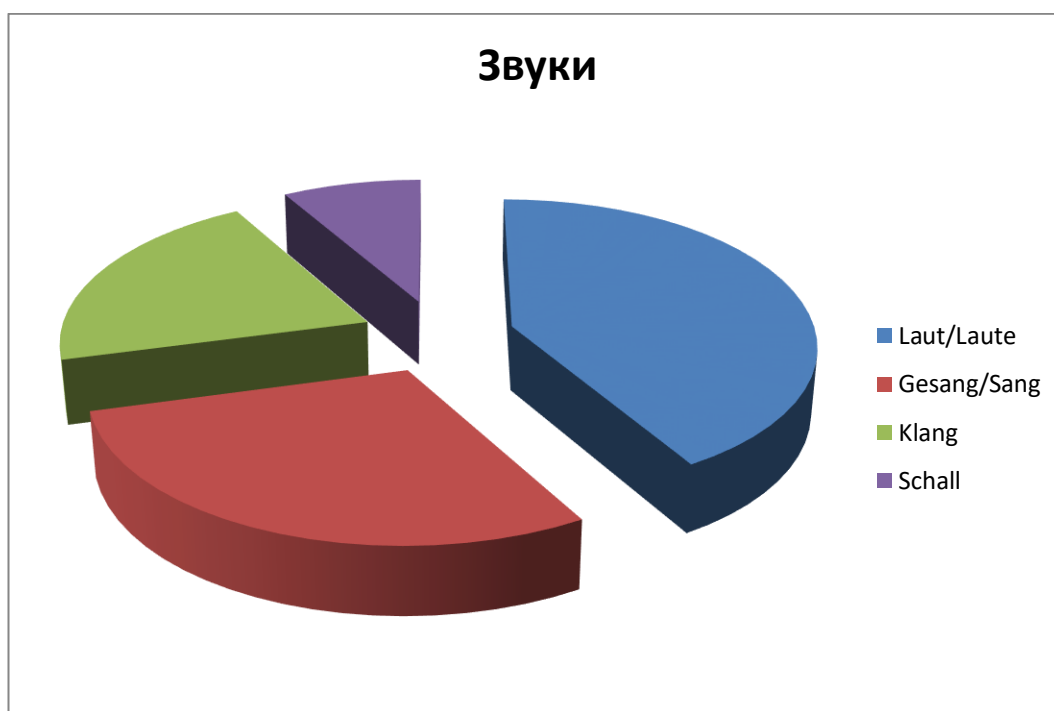
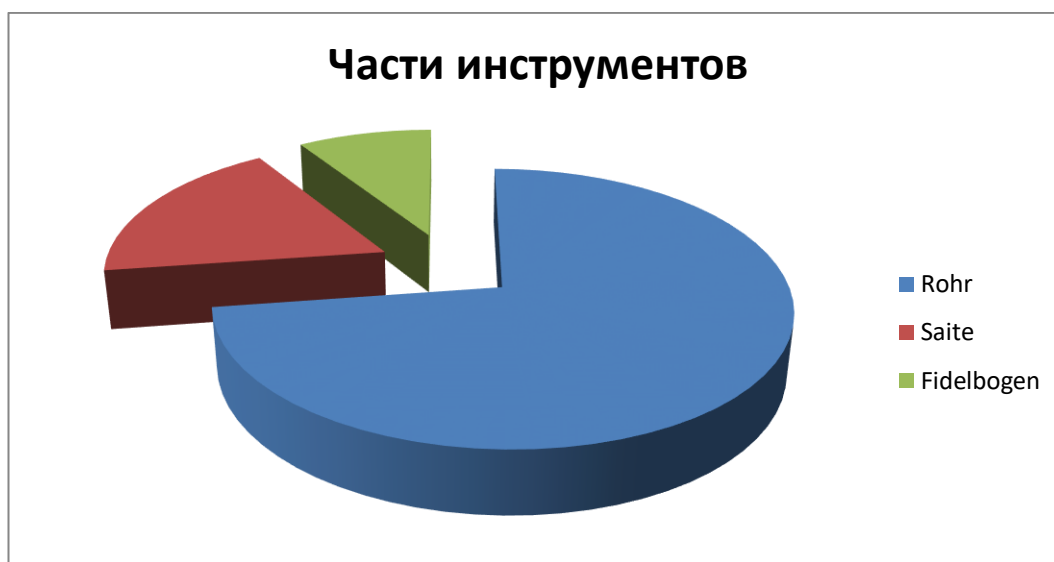
Разнообразны пословицы по своей синтаксической структуре. Как правило, это повествовательные и побудительные предложения, так как вопросительные и восклицательные конструкции для них не характерны. Это, в основном, сложные предложения с разнообразными видами придаточных предложений, наиболее частотными из которых оказались придаточные определительные, а также условные и сравнительные придаточные предложения. С лексико-семантической точки зрения можно было наблюдать разделение пословиц на образные, частично-образные и необразные, однако проведенное исследование показало, что во всех рассмотренных нами в данной работе пословицах образность присутствует, в большей или меньшей степени.

В результате анализа поговорок было выяснено, что и они в большинстве своем метафоричны, но здесь удивительным оказалось превалирование в поговорках иронии, что не наблюдалось в пословицах. Кроме того, поговорки были разделены на повествовательные, вопросительные, эмоционально-модальные и побудительные, однако наибольшее количество примеров мы обнаружили в первых двух группах. Сравнение синтаксических структур пословиц и поговорок показало, что для последних сложные предложения не характерны: поговорки представляют собой в первую очередь краткие частные выражения, в которых придаточные встречаются весьма редко. Было также выявлено, что подавляющее большинство паремий строится на тех или иных стилистических приемах: как правило, это метафора, перифраз, аллитерация и паронимазия, придающие изречениям уникальное звучание.

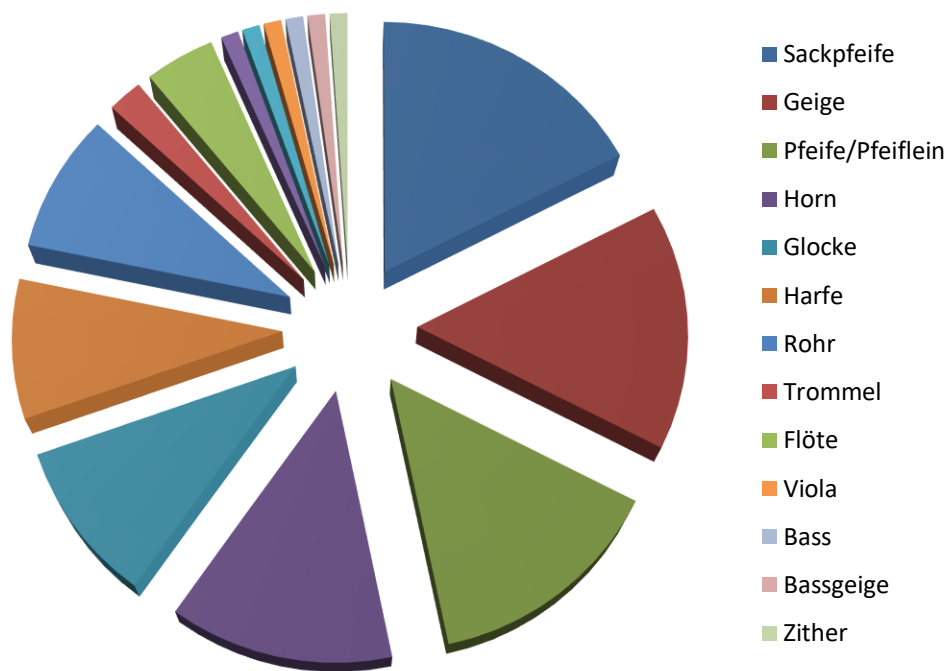
Во время подготовки данной работы исследуемые в настоящей диссертации изречения были переведены на русский язык, так как их переводы на сегодняшний день отсутствуют. Лингвопереводческий анализ подтвердил, что паремии являются материалом, чрезвычайно сложным для перевода. Одной из главных причин затруднений оказались интертекстуализмы, перевод которых невозможен без дополнительных знаний о реалиях того времени, когда фразеологизм зародился и использовался. Другой проблемой перевода можно назвать трудности при сохранении игры слов, заключенной в оригинальном немецком изречении, а также аллитерации. В результате исследования было обнаружено, что наиболее оптимальным выходом в данной ситуации было бы, в идеальном случае, полное или частичное сохранение тех или иных стилистических приемов при переводе. Если же это невозможно, необходимо предоставить комментарии в отношении всех лингвокультурологических особенностей оригинального немецкого текста или заменить его на понятный носителю русского языка эквивалент.

Приложение

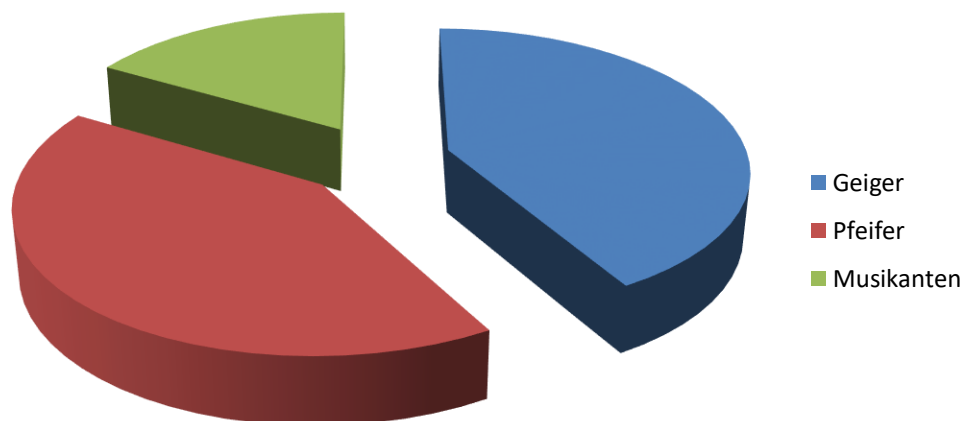
Частотность использования лексем с музыкальным компонентом в поговорках, исследуемых в данной диссертации:



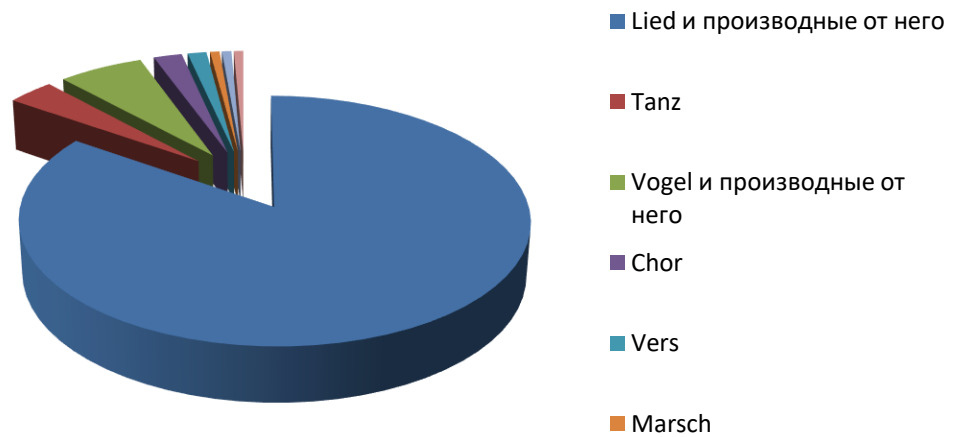
Музыкальные инструменты



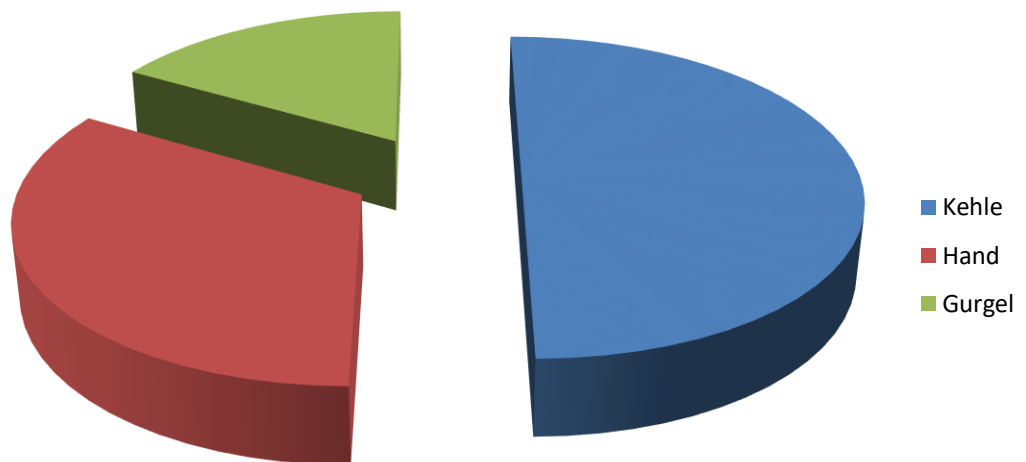
Музыканты



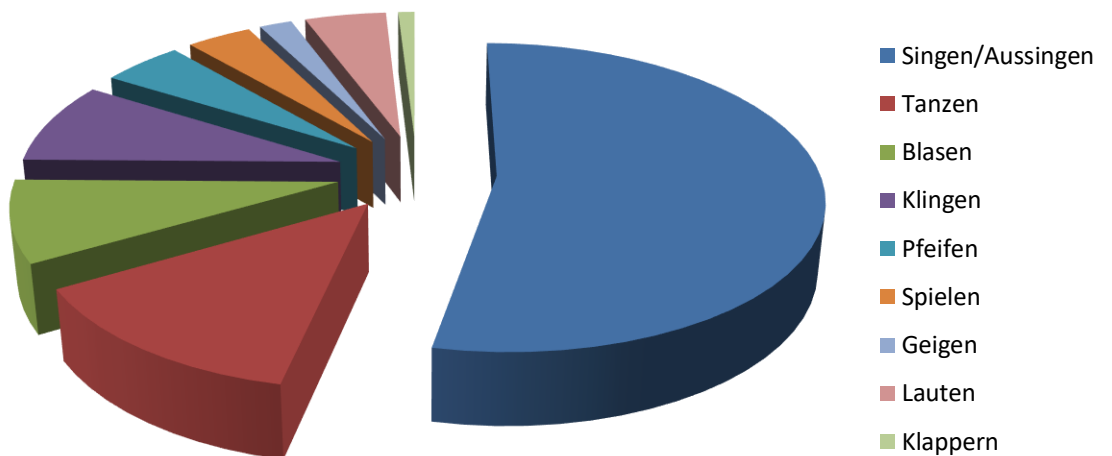
Другое



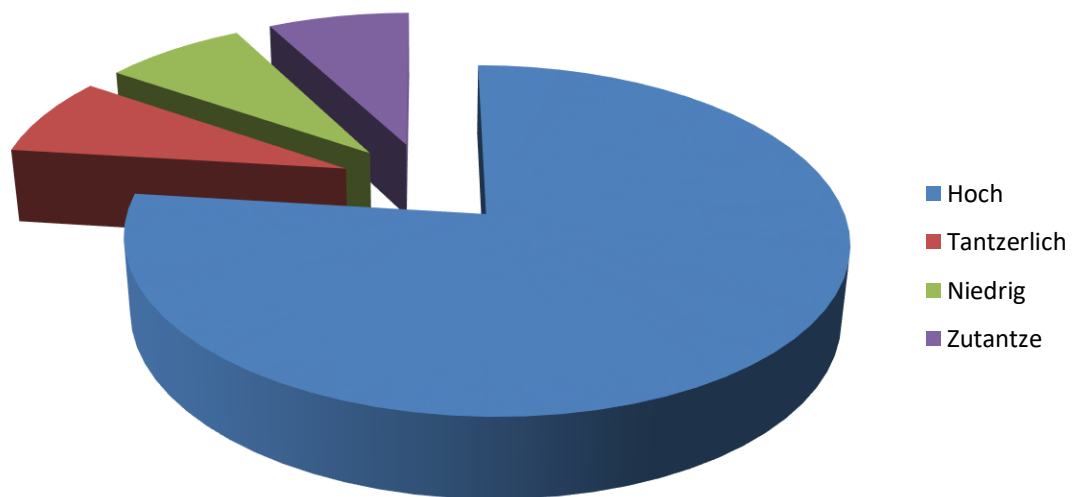
Части тела



Глаголы



Наречия



Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 352 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М., «Международ. отношения», 1975. — С. 189.
3. Бинович Л. Э., Гришин Н. Е. Немецко-русский фразеологический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: «Русский язык», 1975. 656 с.
4. Большой энциклопедический словарь : А-Я / Гл. ред. Прохоров А. М. - 2-е изд., перераб. и доп. — Москва; — Санкт-Петербург : БСЭ, 2000. — 1452 с.
5. Глаголевский. П. Синтаксис языка русских пословиц. — СПб., 1873. — С. 34.
6. Гужанов С. И. Лингвистический анализ фразеологизма. — Житомир: ВІСНИК Житомирського державного університету імені Івана Франка, 2000. — С. 72-73.
7. Гуревич А. Я. Средневековье как тип культуры // Антропология культуры. Вып. 1. — М.: ОГИ, 2002. — С. 39–55.
8. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. Т. 1. — М., 1989. — С. 13.
9. Кожевникова Д. В. Фоноинструменты в каменном веке на территории северной Евразии.: автореф. дис. канд. ист. наук. — Кемерово, 2013. — 30 с.
10. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — С.172.
11. Коротких Т. А. Немецкие поговорки литературного происхождения // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Лингвистика. № 5. — Москва: Московский государственный областной университет, 2015. — С. 92-99.

12. Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. - М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 429.
13. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – С. 19.
14. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв, вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — С. 34.
15. Лензон В. М. О персонификации музыкальных инструментов в художественном творчестве // Вестник МГУКИ. №3 (65). – Москва: Московский государственный институт культуры, 2015. – С. 75-80.
16. Мед Н. Г. Семантические характеристики испанских фразеологизмов с музыкальным компонентом // Древняя и Новая Романия. Т. 13, № 1. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2014. – С. 275–285.
17. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии // Сер. Русская словесность. 2-е изд., перераб. – Санкт-Петербург: Авалон, 2005. – 257 с.
18. Мокиенко В. М. Современная паремиология (Лингвистические аспекты) // МИРС: №3. – Санкт-Петербург: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2010. – С. 6-20.
19. Мокиенко В. М. Культурологические и историко-этимологические в паремиологическом тезаурусе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета: № 12. – Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2013. – С. 121-134.
20. Мокиенко В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 280 с.

- 21.Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
- 22.Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М: Восточная литература, 1970. – 240 с.
- 23.Райхштейн А. Д. Немецкие устойчивые фразы. Пособие по лексикологии немецкого языка. – М.: Менеджер, 2004. – 240 с.
- 24.Розенталь Д. Э. , Голуб И. Б ,Теленкова М. А. Современный русский язык: Учебное пособие. — 2-е изд. — М. : Междунар. отношения, 1994. — 560 с.
- 25.Романова Е. А Пословицы и поговорки с компонентом сердце в сопоставительном аспекте (на материале английского и немецкого языков) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки, №. 1, – Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2006. – С. 124-138.
- 26.Савенкова Л. Б. Пословица, поговорка и паремия как термины филологии // Филологический вестник Ростовского государственного университета. N 1. – Ростов -на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1997. – С. 36-43.
- 27.Серегина М. А. Немецкие паремии в теории и практике перевода // Сб.ст. Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: исследования в области гуманитарных наук в иберо-американском и российском научном пространстве. В 2-х томах. Том 2. – Ростов-на-Дону: Южный Федеральный Университет, 2015. – С. 199-204
- 28.Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: «Локид-Пресс», 2005. – 852 с.
- 29.Симутова О. П. Игра слов в немецких пословицах и поговорках // Филологические науки. Вопросы теории и практики: № 7-2 (49). – Тамбов: Грамота, 2015. – С. 162-164.

- 30.Скоробогатова Т. И. Знаки искусства в языке: музыкальный инструментарий во фразеологии французского языка // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, №4. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2017. – С. 132-139.
- 31.Топоров В. Н. Числа. Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2.– М: 1980. – С. 629-631.
- 32.Тургенев И. С. Отцы и дети: роман. – СПб: Издательский дом «Азбука-классика», 2006. – С. 85.
- 33.Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. — М.: Астрель, 2008. – 880 с.
- 34.Шабунова И. М. Музыкальные инструменты эпохи Средневековья // Южно-Российский музыкальный альманах. №1. – Ростов-на-Дону: Ростовская государственная консерватория им. С.В. Рахманинова, 2005. – С. 86.
- 35.Шендельс Е. И. Deutsche Grammatik / Грамматика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1982. – 400 с.
36. Academic. Das Wörterbuch der Idiome. URL: <http://idiome.deacademic.com/375/Bohnenlied>. (дата обращения: 12.09.2017).
- 37.Adelung J. C. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. – Wien: Bauer Verlag, 1774–1786. URL: http://lexika.digitale-sammlungen.de/adelung/lemma/bsb00009134_2_0_887 (дата обращения: 22.05.2017).
- 38.Agricola, Johannes. Sybenhundert vnd Fünffzig Teütscher Sprichwörter, verneüwert vnd gebessert. – Hagenau: Peter Braubach, 1534. 848 с. URL:<https://play.google.com/store/books/details?id=ubhRAAAAcAAJ&rdid=book-ubhRAAAAcAAJ&rdot=1> (дата обращения: 25.09.2016).

39. Allgemeine Deutsche Biographie. Gustav Baur: Neander, Michael (Pädagoge) // 23 (1886), С. 341–345. – München/Leipzig : Duncker & Humblot.
URL: [https://de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Neander,_Michael_\(P%C3%A4dagoge\)&oldid=2533580](https://de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Neander,_Michael_(P%C3%A4dagoge)&oldid=2533580) (дата обращения: 09.09.2017).
40. Allgemeine Deutsche Biographie. August Ritter von Eisenhart: Siebenkees, Johann Christian // 34 (1892), С. 175-176. – München/Leipzig : Duncker & Humblot. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd115367861.html#adbcontent> (дата обращения: 29.11.2017).
41. Allgemeine Deutsche Biographie. Richter, Arthur: Körte, Wilhelm // 16 (1882), С. 725. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd116300914.html#adbcontent> (дата обращения: 18.12.2016).
42. Coke, Sir Edward. The Selected Writings and Speeches of Sir Edward Coke. – Indianapolis: Liberty Fund, 2003. – С. 237.
43. Dmitrieva N. W. , Wasiljewa T. N. Kommunikativ-pragmatische Aspekten der Deutschen Phraseologismen // Общетеоретические частные вопросы языкознания: сб. науч. ст. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – Р. 197-200.
44. DUDEN. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/geigen>. (дата обращения: 02.03.18)
45. DUDEN. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Chor_Musik_Kirche nbau Дата обращения: 11.03.2018
46. DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – Berlin: Bibliographisches Institut, 2015. – С. 731.
47. DUDEN. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Saeufer> (дата обращения: 12.05.2018).

48. Düringsfeld O. Sprichwörter der germanischen und romanischen Sprachen. – Leipzig : H. Fries, 1872. – 644 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=ODu58CmAsq4C&hl=de&num=9> (дата обращения: 18.10.2016).
49. Eiselein J. Die Sprichwörter und Sinnreden des deutschen Volkes in alter und neuer Zeit. – Freiburg: Wagnerische Buchhandlung, 1840. – 732 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=WmY-AAAAYAAJ&hl=de&num=9> (дата обращения: 12.12.2016).
50. Graf K. Stadtphantasien: Erzähl-Male und Sprichwörter // Forum Mittelalter: Studien: № 14. Stadtgeschichte(n). Erinnerungskulturen der vormodernen Stadt. – Regensburg: Schnell & Steiner, 2017. – С. 13-31.
51. Hekel S. Wie der Deutsche spricht : Phraseologie der volkstümlichen Sprache : Ausdrücke, Redensarten, Sprichwörter und Citate aus dem Volksmunde und den Werken der Volksschriftsteller / Gesam. und erläutert. von S. Hekel. – Leipzig : F. W. Grunow, 1898. – 355 с.
52. Jaskot M. J. Equivalent culture-anchored units translation: the phraseological units issue // Cognitive Studies : № 16. – Warsaw: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, 2016. – С. 57-64.
53. Körte W. Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen, nebst den sprichwörtlichen Redensarten der deutschen Zechbrüder und Aller Praktik Grossmutter, d. i. der Sprichwörter ewigem Wetterkalender. – Leipzig: F. A. Brockhaus, 1861. – 567 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=A9FVAAAACAAJ&hl=de&num=9> (дата обращения: 09.10.2016).
54. Kowbasiuk L. A. AKTUELLE FORSCHUNGSBEREICHE IN DER MODERNEN PHRASEOLOGIE // Наукові записки Кіровоградського держ. педаг. ун-ту ім. Володимира Вінніченка. Серія: Філологічні науки, № 146. – Кіровоград: Видавець Лисенко В.Ф., 2017. – С. 231-235.

55. Lipperheide F. J. Spruchwörterbuch : Sammlung deutscher und fremder Sinnsprüche, Wahlsprüche in Schriften an haus und gerät, Grabsprüche, Sprichwörter, Aphorismen, Epigramme, von Bibelstellen, Liederanfängen, von Zitaten aus älteren und neueren Klassikern, sowie aus den werken modernen Schriftsteller, von schaaderhüpfen, wetter- und Bauern regeln, Redensarten usw., nach den Leitworten, sowie geschichtlich geordnet und unter Mitwirkung deutscher gelehrter und Schriftsteller / herausgegeben von Franz Freiherrn von Lipperheide. – Berlin : F. Lipperheide, 1907. – 1069 c.
56. Lohrengel W. Altes Gold (deutsche Sprichwörter und Redensarten, nebst einem Anhang). – Clausthal: Grosse, 1860. – 88 c. URL: <https://books.google.ru/books?id=db9CAAAAcAAJ&hl=de&num=9> (дата обращения: 25.12.2016).
57. Neanders M. Deutsche Sprichwörter. – Hrsg, und mit einem kritischen Nachwort begleitet v. Friedrich Latendorf. – Schwerin, 1940. – 56 c. URL: https://books.google.ru/books?id=EMJgAAAAcAAJ&num=9&redir_esc=y (дата обращения 15.09.2016).
58. Petri, Friedrich Karl Wilhelm. Der Teutschen Weissheit. – Hamburg: Philipp von Ohr, 1605. – 1060 c. URL: https://books.google.ru/books?id=ENdCAAAAcAAJ&num=9&redir_esc=y (дата обращения 30.11.2016).
59. Sachs Curt. The history of musical instruments. – New York: W. W. Norton & company, inc., 1940. – 505 c.
60. Siebenkees. J. C. Deutsche Sprichwörter mit Erläuterungen. –Nürnberg: Bauer Verlag, 1790. – 140 c. URL: <https://books.google.ru/books?id=KetIAAAAcAAJ&printsec=frontcover&dq=siebenkees&hl=en&sa=X&ved=0ahUKEwjL3s7DpPTaAhXGOSwKHdn7ANE4ChDoAQhsMAk#v=onepage&q=siebenkees&f=false> (дата обращения 12.01.2017).

61. Schellhorn, Andreas. Deutsche Sprichwörter, sprichwörtliche Redensarten und Denksprüche; gesammelt, in Ordnung gebracht, und mit den nöthigsten Erklärungen begleitet. – Nürnberg, 1797. – 220 c. URL: https://books.google.ru/books/about/Deutsche_sprichw%C3%B6rter_sprichw%C3%B6rtliche.html?id=-QsJAAAAQAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 05.02.2017).
62. Sigismund, Otto DCCXXV selectiora proverbialia Latino-Germanica, non modo ex optimis quibusque autoribus classicis, verum etiam ex operibus theologicis atque Comenianis; in Tironum gratiam & usum collecta, & quidem in decussis concisa atque ita adornata, quo eo facillius illa docolis juvenia absque ullo discendi taedio memoriae mandare valeat. / Opera & labore Georgii Sigismundi Ottonis, S.S. Th. Cand. in praesenti Berol. juventae paedagogi. Sumptibus evergetarum collectis. - Berolini [Berlin : s.n., 1713] // Libellus precatationum votorumque & Latinorum & Germanicorum in singulos hebdomadis dies distinctorum adornatus Christianis hominibus omnis status conditionisque, utilis & necessarius: imprimis in gratiam non minus usum tirunculorum, inque simplicissime Latineorandi formulam, seque in illa lingua exercendi ad ejusmodi methodum editus.. – C. [2], 195-247.
63. Simrock, Karl. Die deutschen Sprichwörter gesammelt. – Frankfurt-am-Main: H. L. Brönnner, 1846. – 600 c. URL: <https://books.google.ru/books?id=gtxOAAAACAAJ&num=9> (дата обращения 21.06.2017).
64. Sprichwort-Plattform. URL: <http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Wenn%20es%20dem%20Esel%20zu%20wohl%20wird%20C%20geht%20er%20aufs%20Eis> (дата обращения: 07.04.2018).
65. Stoyanowa E. W. Phraseology is the part of the lingual and cultural competence of foreign students // International scientific online journal: № 7. – Belokopitovo: Smart Ideas – Wise Decisions Ltd., 2015. – P. 13-16.

66. Wander K. F. Deutsches Sprichwörter-Lexikon: ein Hausschatz für das deutsche Volk. Dritter Band. – Leipzig: F. A. Brockhaus, 1867–1880. – 937 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=MEVaAAAACAAJ&num=9> (дата обращения 04.09.2017).
67. Wander K. F. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. URL: http://woerterbuchnetz.de/Wander/call_wbgui_py_from_form?sigle=Wander&mode=Volltextsuche&hitlist=107941&firsthit=10&textpattern=amsterdam&lemmapattern=&patternlist=T:amsterdam&lemid=WG00365 (дата обращения: 16.06.2017).
68. Wurzbach, Constantin von. Historische Wörter, Sprichwörter und Redensarten. – Prag: J.L.Kober, 1863. – 372 с. URL: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10577179_00005.html (дата обращения 03.03.2018).